

18+

Владимир Верный

Мои Каракумы

Владимир Верный

**Мои Каракумы. Записки
гидростроителя**

«Издательские решения»

Верный В.

Мои Каракумы. Записки гидростроителя / В. Верный —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602092-4

Это книга о малоизвестной россиянам стране Туркменистан и о еще менее ведомой профессии гидротехника. Это рассказ о строительстве Каракумского канала и множестве других объектов «водного хозяйства»; о почти фронтальных условиях работы водников и о неподдельном счастье увидеть плоды порой многолетних трудов. В книге нашлось место экскурсу в древнюю историю этой земли, где, «казалось, ничего нет», но неожиданно в этом «археологическом Клондайке» открылись следы «пятой цивилизации».

ISBN 978-5-00-602092-4

© Верный В.
© Издательские решения

Содержание

Владимир Верный	6
Часть 1	7
Земля (1-я очередь ККК)	7
О канале	8
Первые впечатления	10
Первое задание	12
На волнах в песках	13
Изыскания под Келифскую ГЭС	16
Ближе к природе	17
Завершение изысканий	19
Не так страшен чёрт...	20
Л. П. Файнберг	21
Мой каракумский наставник Саша Долгов	22
Каракумцы	23
О друзьях-товарищах	28
Горец в песках	35
Будничные стрессы	36
Вода – могучий землекоп	37
Первый год	39
Немного о «политике»	40
Полевое житье-бытье	44
Первый отпуск	50
У колодцев без воды	50
Спутник	51
Туркмены в отряде	51
Прорабский хлеб	52
ККК – глобальная катастрофа?	55
Прощай «земля»!	56
Гидроузел №4 (1 очередь ККК)	57
Сброс в песках	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мои Каракумы

Записки гидростроителя

Владимир Верный

© Владимир Верный, 2023

ISBN 978-5-0060-2092-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Верный Мои Каракумы

Записки гидростроителя

Автор благодарит А. Корзан за систематическую техническую помощь при подготовке книги к изданию

В. Верный

Мои Каракумы / записки гидростроителя, В. Верный

*Моим друзьям-товарищам
по строительству
Каракумского Канала*

Часть 1 Каракумский Канал

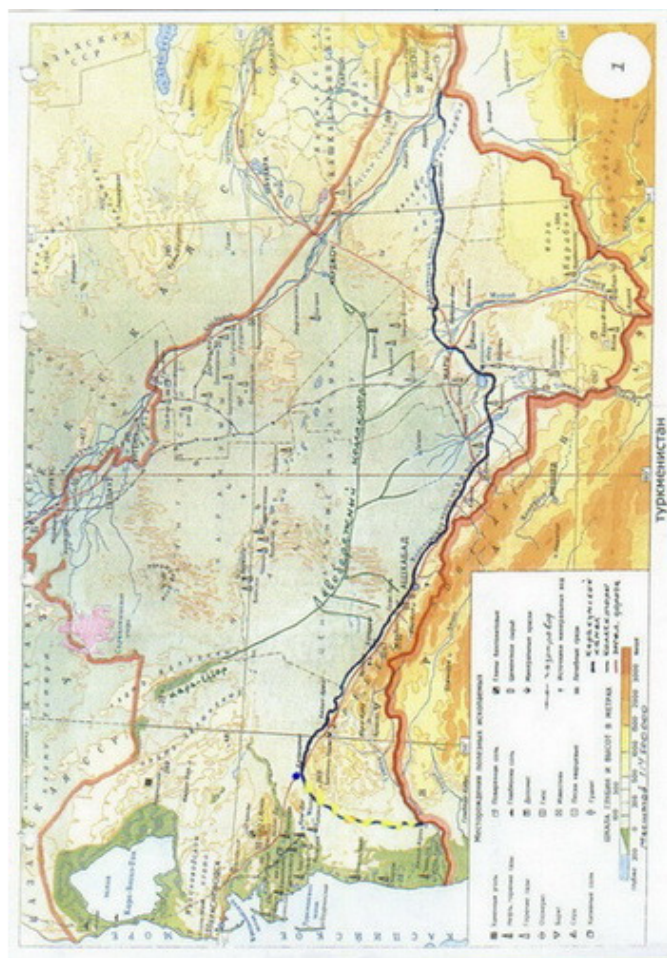
Земля (1-я очередь ККК)

В 1954 году я окончил гидромелиоративный факультет Ленинградского Политехнического института. наших выпускников распределяли в Северо-Западном регионе: Ленинград, Прибалтика, Новгородская область, Карелия. А мы, «дальневосточники», решили проситься домой. Почему? Это разговор отдельный.

Мы – это Владилен Парфенов и я – из Южно-Сахалинска и Павел Голубев – из-под Читы. Поехали в Москву в Министерство. Там нам сказали, что в Сахалинской области, уже есть три гидротехника и это в два раза перекрывает местные потребности. А вот в Средней Азии гидротехники нужны, например, в институте ирригации САНИИИре в Ташкенте или на Каракумском канале. Мы выбрали канал: очевидно, сказалась закваска тех лет, ведь и факультет наш как гидромелиоративный был преобразован из гидротехнического с прицелом на «великие стройки коммунизма», как тогда говорилось.

– Примечание. Книга написана до 2007 года, куда следует относить ссылки на время типа «сейчас» и подобные

Нам назвали сотрудника, недавно побывавшего в Туркмении, мы с большим трудом отыскали его в громадном здании Министерства сельского хозяйства у Красных ворот. Мужик оказался откровенным. Сказал, что практика, конечно, отличная, но условия жуткие и честно описал всякие каракумские страсти. Мы выслушали, поблагодарили, и... пошли оформлять направления на Канал.

О канале

Здесь же в министерстве собрали мы информацию о Каракумском канале. Смотри карту №1 (далее – К1 и т. д.)

Оказалось, что первые инженерные исследования по трассе ККК проводились еще в 1849—1850 годах. В дальнейшем они повторялись многими экспедициями. Дело в том, что на юге Туркменистана в долинах рек Мургаб, Теджен, Атрек и в Прикопетдагской равнине пустует более 2,2 миллионов гектаров земель пригодных для возделывания, но воды для их полива нет. В древности здесь процветали могучие государства Маргиана и Парфянское царство. В их гибели, кроме исторических коллизий, роковую роль сыграло истощение водных ресурсов региона. Здесь до 265 солнечных дней в году и без полива нет земледелия.

В наше время реки юга Туркмении никуда не впадают, их полностью разбирают на орошение. А на северо-востоке Туркменистана протекает самая большая река Средней Азии – Амударья. Идея использовать её воду для орошения этих земель висела в воздухе. Но для этого надо было пробиться через сотни километров пустынных песков Юго-Восточных Каракумов. Проектирование Каракумского Канала началось еще в 30-е годы, но из-за войны начало строительства откладывалось. В 1952 году был утвержден проект первой очереди канала Амударья – Мургаб длиной 396 километров. Уникальность проекта состояла не только в масштабах, но и в том, что вода из реки забиралась самотеком, а не насосами. Основным разработчиком проекта был ашхабадский Туркменгипроводхоз. Конечно, работа велась в содружестве со многими научными и проектными организациями Москвы, Ленинграда, Ташкента, Киева.

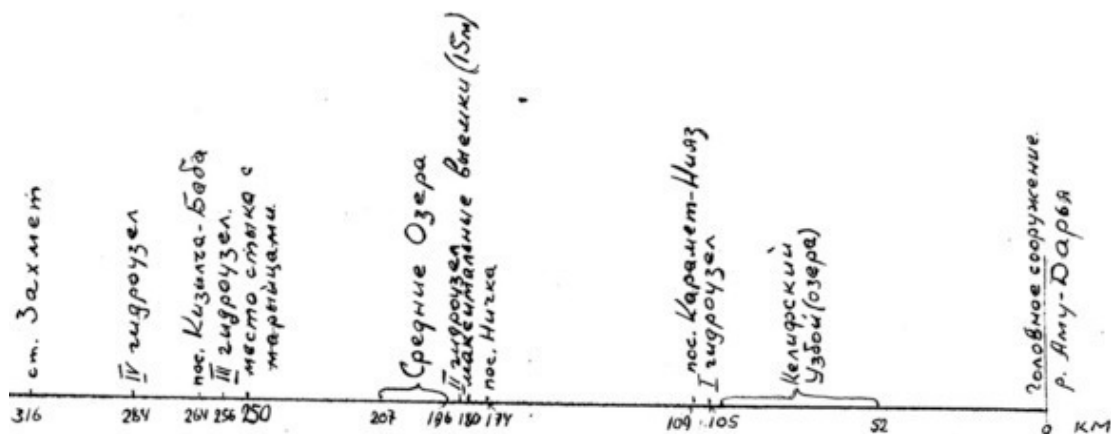
Тут уместно уделить несколько слов географии. (К1). Если взглянуть на карту Туркменистана, то видно, что на юго-востоке его граница образует перевернутый треугольник с вер-

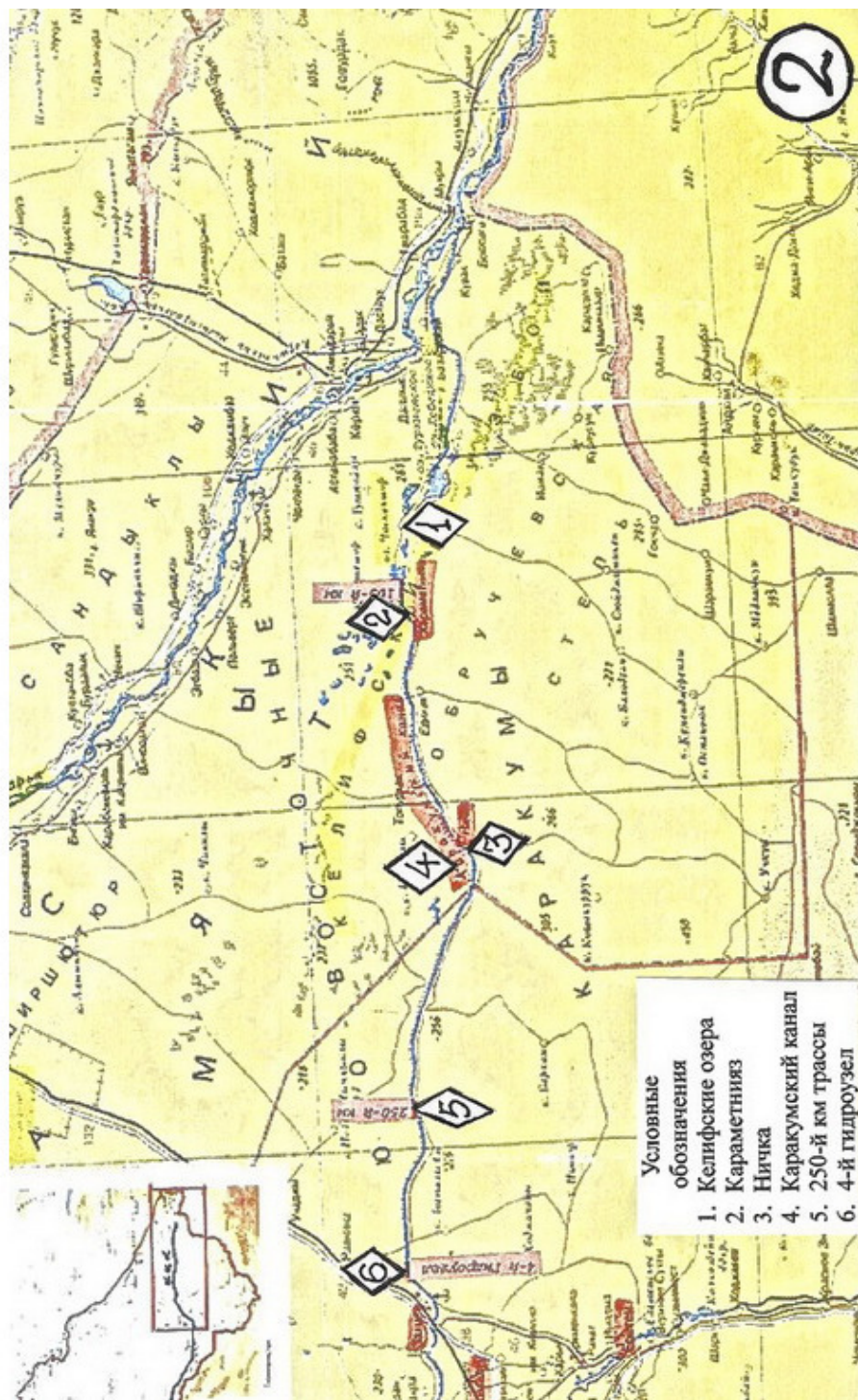
шиной внизу, на юге. Здесь – Кушка, самая южная точка бывшего Союза. А северное основание этого треугольника от Керки на реке Амударье через Мары на реке Мургаб до Каахка это, приблизительно, трасса Каракумского канала. Далее на северо-запад вдоль подножия хребта Копет-Даг она идет к Каспийскому морю.

Участок от Амударьи до Мургаба протяженностью около 400 км – это первая очередь ККК. Она идет почти строго в широтном направлении и пересекает Южные Каракумы

Головной водозабор расположен в 50 км от Керки вверх по Амударье. Канал строился с двух сторон: с головы от Керки – с водой и со стороны Мары – посуху. Стык – на 250-м километре. Первые 30 километров трассы – это уширенное русло Басага-Керкинского канала, а затем 20 километров по трассе сброса и далее совпадает с цепочкой Келифских озер в русле древнего Узбоя. Со 105-го километра канал идет по целинным пескам.

Линейная схема 1-й очереди ККК

Первая очередь Каракумского канала: Амударья — Мары. (в 1 см 15 км).

Первые впечатления

В Керки я приехал в сентябре 1954 г. Товарищи мои были уже где-то на трассе, и я попросился туда же. На работу меня принимал Владимир Иванович Курылев – тогдашний начальник Керкинского СМУ. Он много не разговаривал, распорядился направить в контору номер три в Час-Как.

И вот я в кузове грузовика, верхом на своем, порядком намучившем меня, чемодане – ведь в нем добрая половина забита книгами. Дороги практически никакой, множество отдельных следов машин то разбегаются, то собираются вместе. Пески. Вроде немало кустов и травы,

но ни единой зеленой былинки. Все серо, выжжено. Жарко, а в Ленинграде сейчас непременно моросит дождь и все в тумане.

Не раз машина буксовала в песке. Вначале я всполошился: как выберемся? Но выход оказался простым. Ни один водитель не едет в пески без пары «шалманов», жердей длиной метра три и диаметром сантиметров пятнадцать.

Чуть разгреб песок, всунул шалман между спаренными задними колесами, – вот и слань, по которой выберется машина. Вскоре стемнело, ведь транспорт в рейс шел только ночью, по летнему расписанию, и перед фарами замелькало бесконечное однообразие одинаковых картин: поворот колеи, песчаные обрывчики обочин, кусты, песчаные бугры, пожухлая трава и снова все то же.

Навсегда запомнился наш водитель. За рулем сидел могучий богатырь, голый по пояс. Ему было явно тесновато даже в кабине ЗИСа. Особенно поражали правильные пропорции крупного лица и огромные ручки, в которых баранка казалась игрушечной. Не сразу и разгадаешь, что этому бронзовому Геркулесу уже немало лет. Это был дядя Федя Осокин, глава семейства кубанских механизаторов. Позже я хорошо знал двух его сыновей, механизаторов «на все руки», удивительно непохожих друг на друга. Спокойный, даже степенный Саша – основательный в работе, живущий на трассе со своей семьей, копия отца, только поприжимистей, пожалуй. И лихой в работе и в жизни громогласный Володя, «рубаха-парень», готовый в считанные дни спустить все, что заработал тяжелым трудом, и, не унывая, «пахать» снова. Даже на лицо они были такие же разные. У Саши – правильные черты округлого лица, а у Володи – огромные глаза, «лошадиная» челюсть, крепкий нос. Вылитый Фернандель.

«Шалман» в деле. За рулем Саша Осокин

Глубокой ночью приехали мы в поселок Час-Как на берегу одноименного небольшого озера в цепи Келифских озер. Вода сюда попадала от сбросов Басага-Керкинской оросительной системы на левобережье Амударьи. На самом берегу изготавливали сырцовый кирпич для первых построек, чуть дальше от воды несколько землянок «старожилов» и большой барак-сарай: стены обшиты досками, крыша – камышитовы маты по обрешетке. Внутри – три ряда деревянных нар, углы огорожены занавесками – там «квартиры» семейных. Моя первая жил-площадь – 4-я нара справа от входа в первом ряду. Правда, долго я тут не задержался.

Первое задание

Начальник отряда – Николай Арсентьевич Беляев, коренастый седовласый мужчина с тяжелым волевым подбородком и маленькими серыми глазками. Он определил меня мастером. Оклад – 800 рублей, с каракумской надбавкой – 1200, отпуск – 45 дней. И уже на следующий день мой многострадальный чемодан утонул в тучах пыли в ковше скрепера, который перегоняли к моему (и его, скрепера) месту работы. Задача: возвести оградительные дамбы по левому борту цепи озер в Келифском Узбое. (К2). Здесь пройдет канал и уровень воды значительно повысится. Там уже работал Вадим.

Это был один из семи первых на Канале новых скреперов. Именно на скреперы и экскаваторы возлагались тогда большие надежды. Да и всяческие нормативы отводили тогда бульдозеру роль вспомогательную: вскрыша карьеров, планировка, разравнивание отвалов экскаваторов, а скреперы применялись на разработке выемок-котлованов, каналов и т. д. Однако с первых же практических шагов в Каракумах стало ясно, что сухой барханный песок просто «вытекает» из ковша скрепера пока он двигается к месту отвала. В таких несвязных грунтах бессмысленна была и укатывающая функция скрепера на насыпях. Зато бульдозер – машина более легкая, маневренная, использующая кратчайший путь к месту забора грунта – задним ходом. Сам скрепер несравненно сложнее бульдозерного ножа. Бульдозер как бы сам себе устраивает дорогу в сильно пересеченной местности. Мастерством лучших бульдозеристов был освоен метод разработки канала глубокими (до 3 м) поперечными траншеями. При этом срезаемый грунт не осыпается по сторонам, нож свободно «плышет» и не требует регулировки лебедкой, а количество перемещаемого грунта – максимальное, отвечающее предельной мощности двигателя. Тут бульдозер оказался незаменим, а метод разработки легко усваивался молодыми или неопытными механизаторами.

Но вернемся к оградительным дамбам. Работы там оставалось немного. Жильё – топчан на бархане, прикрытый навесом из камышовых матов.

Я удивился, что за веревки натянуты над водой? Оказалось, ребята наладили настоящий рыболовный промысел. Веревки – это переметы над водой, привязанные к пучкам камыша.

К перемету крепятся поводки с крючками, на них – нанизанная за хребет живая приманка. Рыбка трепещется у поверхности, на неё отлично идет сом. К концу недели у берега на куканах уже было несколько огромных сомов размером до полутора метров и больше. В ночь на воскресенье их грузили в кузов машины, перекладывали камышом, обливали водой и к утру живёнонькими доставляли в Керки на воскресный базар. Товар шел нарасхват.

На волнах в песках

По закоулкам проток и озер

Через пару недель лагерь снялся и перебазировался к Час-Каку, а мне эти дамбы остались памятни как место первой рационализации, или «рацухи», как мы называли. Дело в том, что по проекту следовало построить одну дамбу и на правобережной стороне. А как через воду гнать технику? Если в обход, – это десятки километров своим ходом до моста, а потом работать на том берегу за водой.

Мы с Вадимом осмотрели место и сообразили, что если дамбу вообще не делать, то вода все равно не уйдет вправо, а заполнит ограниченное понижение, замкнутое барханами. Начальство одобрило, дали команду скреперы перебазировать своим ходом на Час-Как, а мне надо было выполнить геодезическую съемку, подтверждающую нашу правоту.

У ребят была малюсенькая лодочка-плоскодонка, но она казалась настолько хлюпкой, что решили весь груз – нивелир, теодолит, рейки, колышки поместить на плот из «шпальной вырезки», то есть не просмоленных заготовок шпал, и буксировать его лодкой. Там же на плоту должен был находиться и второй член «экспедиции». Так и сделали. Течение в протоке, на берегу которой мы базировались, было довольно энергичное, ничто не вызывало сомнений.

Со мной отправился Балыш Тойлиев, или Боря – веселый крепыш, смуглый и удивительно кучерявый. Если он не был обрит наголо, то красовался прямо-таки папуасской шевелюрой. За плечами у него был детдом, 10 классов школы и даже один год в сельхозинституте, где он и познакомился с геодезией. Лучшего помощника было не найти.

Под веселые напутствия провожающих взгромоздились мы на свои плавсредства и двинулись! В самый последний момент сунули нам два здоровенных куска сахара, у нас была буханка хлеба – вот и всё продовольствие: ведь мы рассчитывали за один день справиться. В качестве компенсации за услугу по перегону его лодки, хозяин этой посуды дал нам в дорогу свое ружье и штук пять патронов.

Сразу по протоке нас понесло так лихо, что приходилось заботиться не о движении, а о торможении и следить, как бы плот не ударил лодку. Было тепло, солнечно, мимо проплывали песчаные обрывистые берега узкой протоки, вода сама несла нас по всем извилинам и поворотам. Благодать! Нигде ни живой души и полная свобода! Ну, как тут было не запеть во все горло! Балыш подозрительно косился на меня: что за чудак?

Здесь пройдет Канал

Но быстрая протока привела нас к большому разливу, кругом все заросло высоким камышом, определенного русла нет и течения не заметно. Пришлось подналечь на весла. Тут выяснилось, что наш гибрид плота и лодки обладает не лучшими мореходными качествами. От хорошего гребка лодочку бросало вперед, но в этот момент натягивался буксир и на нашу посудину обрушивался рывок сзади. Было такое впечатление, что мы больше двигаемся назад, чем вперед. Много сил и сноровки пришлось ухлопать, чтобы хоть как-нибудь справиться с этим необъезженным «тяни-толкаем». Но, главное – куда же плыть? Сунулись в одно-два места и уперлись в берег. Где выход из озера? Пришлось выбраться на ближайший высокий бархан и с него убедиться, что выход из озера отнюдь не напротив входа в него. Еще несколько километров по протоке – и мы опять оказались в западне. Долго бы нам досталось блуждать

в нем, если бы мы не использовали уже освоенный метод «берегового дозора»: это оказалось озеро непроточное, образованное заполнением береговой котловины. Здесь стояла тогда артель рыбаков. Только с большого бархана мы увидели, что забрались в тупик. Теперь уж мы определенно разделили обязанности – я на веслах, а Балыш с берега выглядывает направление.

Позже Вадька рассказывал, что именно с этого места слышал, как я где-то далеко горла-нил нашу «фирменную»:

Берег, принимай обломки,

Череп морских бродяг!

Но до меня, как до тетерева на току, докричаться было невозможно.

Свидание с дамой из юрты

В обед съели полбуханки хлеба и половину сахара и только к концу дня добрались до места съемок. Здесь на пологом левом берегу стояла юрта. Балыш пошел и выяснил, что это пастухи казахи пасут в этих местах верблюдов. Сейчас мужчин никого нет, скоро будут. На хозяйстве осталась одна молодая женщина. Мы решили тут переночевать: за время этого путешествия натошак вымотались мы изрядно, да и времени до темноты совсем мало осталось. Взял я ружье, съездил на лодке и в два счета подстрелил утку, благо их кишело кругом, хотя стрелял-то я едва ли не первый раз в жизни. Отдали утку той женщине и уже через часок мы втроем дружно сидели перед мисками со свежей утиной шурпой. Утка быстро исчезла за приятной беседой, которую вел Балыш с дамой. Он задавал неторопливо дипломатические вопросы – когда вернутся мужчины, сколько всего их здесь народу, здоровы ли все, как себя чувствуют верблюды? А мужчин все нет. После ужина мы поблагодарили, посидели недолго и деликатно вышли из юрты «подышать свежим воздухом». Балыш говорит: «Пока мужчины не вернулись, неудобно в юрте оставаться». А надо сказать, после трудового дня и плотного ужина нас основательно разморило. Ладно, решили, что пока устроимся на плоту. Кое-как приладились, но тесно, жестко, а главное, комары грызут – спасу нет. Развели костерок на берегу, под дымом комарья меньше, а прилечь нельзя: плоский берег был влажным от солончака. Приляжешь на плоту, опять комары грызут, да и прохладненько.

Часа два так промаялись, пошел Балыш на переговоры. Нет, никак не пускает, говорит, надо хозяина дожидаться. Никакие уговоры не действуют. Так еще пару раз повторялось, а ночь темнющая, холодно. Мы впотьмах то топливо собираем, то у костра жмемся, то для согревания танец дикарей исполняем. Наконец, окончательно осатанев от холода, снова пошли на штурм. Долго слышалось балышевское «апа! апа!» (женщина) – в юрте стояло гробовое молчание. Я стою, дрожу в стороне. Может, там уже нет никого? Вдруг – леденящий душу вопль, я не сразу сообразил, в чем дело. Оказывается, Балыш, отчаявшись, полосонул ножом по веревочным «запорам» на двери юрты. После такой реакции мы больше не отважились даже близко подойти к юрте.

Продрогнув до рассвета, мы переправились со всем нашим хозяйством к месту работы. По пути пытались еще поохотиться, но без толку потратили все оставшиеся патроны. Зато поднялось солнце и мы быстро «оттаяли». День прошел в работе – замкнули теодолитный ход, пронивелировали. Ясно было, что наши предположения подтвердились, настроение улучшилось, но кушать-то хотелось. Опять съели половину оставшегося хлеба и сахара. Вот когда пригодилась бы дичь, но... увы. Нам хорошо было видно, что к юрте на том берегу так никто и не подъехал за целый день. Решили туда и не соваться. К вечеру набрали побольше сушняка, на сухом бархане развели большой костер, потом очистили это место, навалили веток гребенчука и сравнительно комфортно провели ночь на этом ложе с подогревом.

Хмельной чал

и последнее испытание

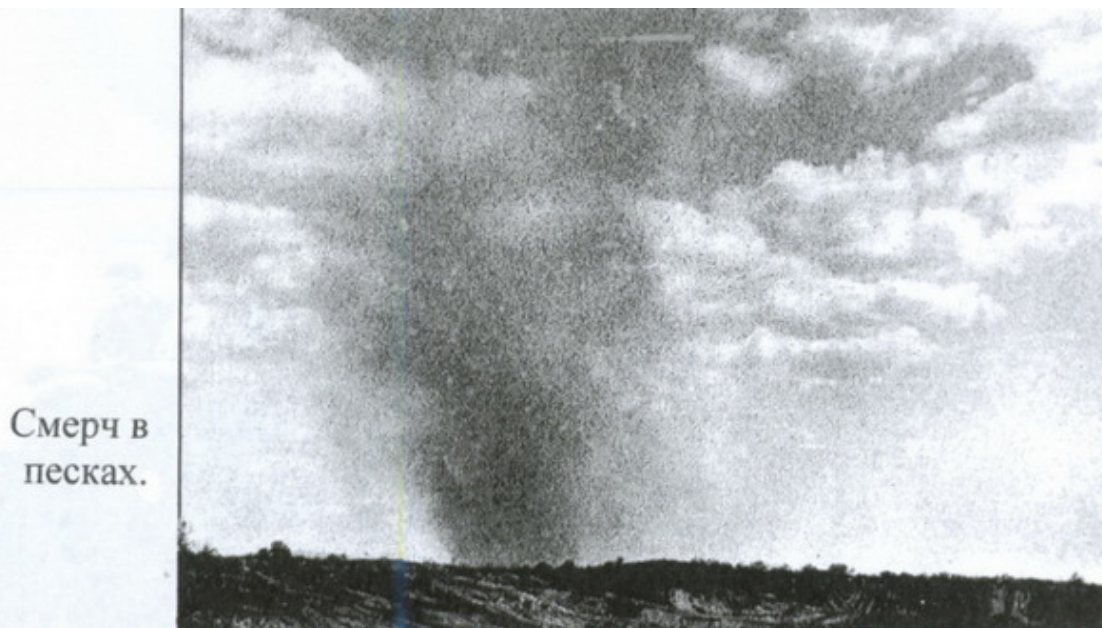
Утром поплыли дальше вниз, но очень скоро перебрались в лодку вдвоем, туда же взяли инструмент, а плот бросили. Наше судно дало опасную осадку, но зато стало более устойчивым

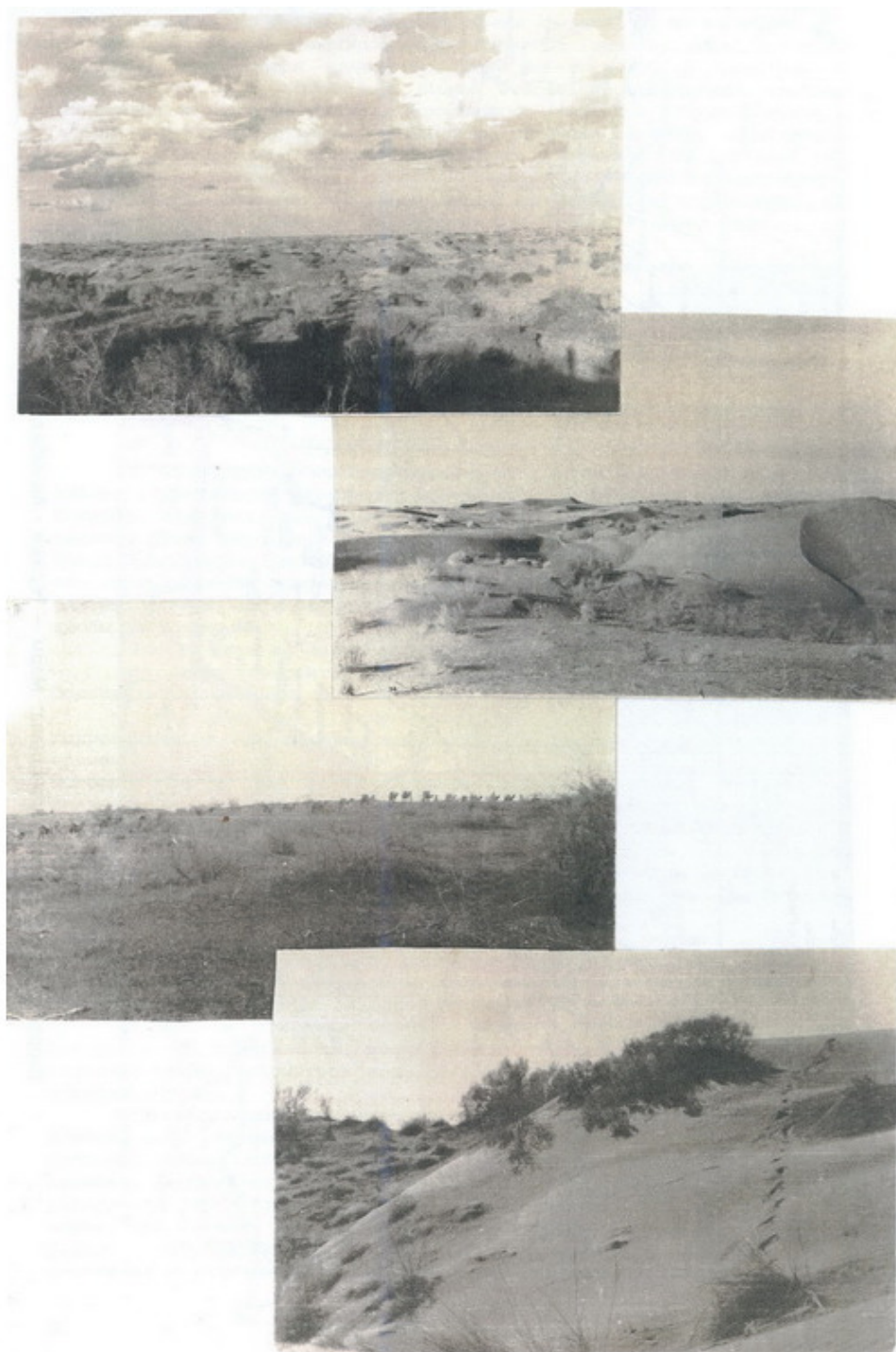
и быстроходным. Питание наше, если это можно так назвать, продолжалось по системе 1:2, то есть половину остатка делили пополам. В середине дня, когда у нас оставался ломтик хлеба с пол-ладони, на берегу опять показались юрты чабанов. Я стал толковать Балышу, что у меня есть деньги, и надо что-нибудь купить поесть. Он промолчал. В окружении кучи ребятишек под оглушительный лай огромных собак-алабаев мы подошли к юрте. Слава богу, здесь глава семьи оказался на месте, он пригласил нас войти. На кошме появилась миска с кислым верблюжьим молоком – чалом, лепешки. Мне казалось, что вкуснее я ничего раньше не едал. Все исчезло в нас до неприличия быстро. Балыш угостил хозяина «Беломором», а к пачке потянулась вся малышня. Они расхватали папиросы как конфеты. Когда мы шагали к лодке, я к изумлению своему чувствовал, что меня покачивает: явно захмелел от чала!

К концу дня мы благополучно выбрались в озеро Час-Как, но тут нас подстерегало еще одно испытание. Подул крепенький встречный ветер. Вон она видна эстакада около кирпичного цеха, давно бы пора добраться, а мы все гребем и гребем, и уже приходится усердно вычерпывать воду из лодки... Этот отрезок пути казался бесконечным. Мы вымотались до полного изнеможения, особенно досадны были финишные несколько десятков метров: нас заждались, ребята высыпали на берег, орут, приветствуют, а нас сносит, хоть караул кричи. Надолго нам запомнился этот финиш!

Да, многому сразу научило это маленькое путешествие! Не на словах, а на деле стало ясно, что с природой надо обращаться «на Вы», иначе можно жестоко поплатиться, что элементарная предусмотрительность просто необходима, что кроме премудрых институтских знаний очень полезно иметь еще крепкие руки и ноги, что уклад и обычаи местных жителей надо знать и уважать.

И все-таки это было чудесное приключение. Незабываемо чувство полной свободы и вольности, мы были молоды и почти без отдыха горланили песни на всю пустыню.

Изыскания под Келифскую ГЭС

Не знаю, было ли это следствием нашего «геодезического фокуса», но следующее задание я получил на ту же тему. Дело в том, что наш главный начальник Семен Константинович Калижнюк предложил построить на Келифских озерах гидроэлектростанцию. В районе озера «Туркменское» предполагалось перегородить русло и подпереть воду для ГЭС. (К2). Экспедиция Туркменгипроводхоза выполняла изыскания на правом берегу. Сроки, как всегда, поджимали, и нетерпеливый Семен Константинович пригласил из Ташкента своего старого знакомого геодезиста-пенсионера Глеба Васильевича Федорова. Он должен был выполнить изыскания на левом берегу. Вот в его распоряжение меня и послали.

Еще к нам прикомандировали молодого гидротехника Язы Джумаева – высокого тощего парня с веселыми смышленными глазами. Тяжеловатый подбородок намекал на крепенький характер, что впоследствии и подтвердилось. Мы все встретились в Керки в управлении. Глеб Васильевич оказался стариком огромного роста в полотняной толстовке и панаме на лысине, обрамленной седыми локонами.

Никак не верилось, что этот довольно полный ухоженный седовласый пожилой человек барственного вида способен от зари до зари провести на ногах, отмахать по пескам много километров да еще с инструментом на плечах. Однако вскоре мы в этом убедились. Команда состояла, кроме нас троих, из нескольких детдомовских пацанов-речников и одного мужичка-повара. Поселились на полпути от Керки до Час-Кака на самом берегу протоки в двух передвижных домиках-вагончиках: в одном жили мы с Г. В., там же контора, склад; в другом – 6 человек рабочих. Надо было наметить положение левобережной дамбы предполагаемого водохранилища. Ориентировочно протяженность дамбы должна была составить около 40 км. Ежедневно Г. В. выходил на рекогносцировку, выбирал трассу или 2—3 варианта, закреплял ее вешками. Затем надо было связать эти участки общим теодолитным ходом, а потом занивелировать. Первое время шли с инструментами двумя группами – Г.В. и я, так сказать, «в четыре руки», но потом Г.В. стал доверять мне работу самостоятельно. Это была великолепная практика свободного владения инструментом, которая очень пригодилась в последующие годы работы. На всю жизнь сохранил я благодарность этому спокойному мудрому человеку, который в совершенстве владел своим делом и щедро делился опытом и знаниями

Ближе к природе

Утки-лебеди

Всё наладилось и шло своим установившимся порядком, хотя наш полевой сезон явно затянулся. Был уже октябрь. Пришла холодная осень. Озера рядом с нами кишели от перелетной птицы. Лысухи, утки, нырки, гуси плавали в таком количестве, что буквально не было видно чистой воды. Иногда, потревоженные чем-то, поднимались на крыло огромные стаи, просто не верилось, что эти темные тучи состоят из отдельных птиц. Несколько раз видел перелет пеликанов. Поражали стремительность и изящество этих огромных птиц, которые на земле в клетках кажутся такими неуклюжими.

Но самое незабываемое – лебеди. Когда я услышал название соседнего озера – «Лебединое», то совершенно не придавал этому значения. Однако именно там я увидел этих великолепных птиц на воде. Мы работали на трассе, когда пацаны-речники указали мне на озеро. Через окуляр нивелира они казались почти рядом, громадные белые красавцы. Как-то странно было видеть их на открытой воде дикого озера, казалось вот появится прогулочная лодочка с отдыхающими, а чуть в стороне – домик-жилище этих птиц. Но это были настоящие дикие лебеди. Долго я не мог оторваться от этого зрелища, и мои сорванцы-помощники с азартом тянулись посмотреть «в трубку». Вдруг вся стая забеспокоилась, поплыла быстро в одну сторону, потом все птицы шумно и как-то бестолково захлопали крыльями, но долго-долго не могли оторваться от воды, молотили по ней лапами. Наконец, с видимым большим трудом оторвались, и... кончилось всполошное хлопанье и хлюпанье, оборвался шум и гам и в такт плавным и мощным движениям огромных крыльев вдруг послышался мелодичный свист. Мы остолбенели: вот так чудо! Вот тебе и Каракумы! А лебеди уже выстраивались в порядок и летели куда-то в сторону, но удивительно долго еще можно было различить упоительный свист их крыльев. Не раз потом мне доводилось слышать эту музыку, и почти всегда она опережала появление самих птиц.

Верблюды

А вот еще одна встреча там же. Работал я на трассе один: шел теодолитным ходом по установленным вешкам. Стою на «станции» (точка, с которой ведется съемка), налаживаю инструмент. Вдруг замечаю: недалеко несколько верблюдов идут в мою сторону. Раньше я уже видел их здесь, но на очень приличном расстоянии. А верблюды шагают, меня им хорошо видно, но не сворачивают. У первого брюхо как дирижабль, а морда такая свирепая, страшнее тигра: ноздри раздуваются, нижняя губа отвисла и обнажила огромные желтые зубы. Ну, что же делать? Караул кричать бесполезно, никто не услышит, бежать, так от него разве убежишь, вон ножищи какие! А он прёт прямо на меня! Ухватился я за треногу с теодолитом, хоть что—то в руках есть, буду обороняться. А у самого душа уже в пятки ушла. Эта громадина – вот она, на морде пена, шерсть ключьями висит, вонища от него пронзительная, аж в голове мутно! Ну, держись, Володька! А он проплыл в двух шагах от меня, даже голову не повернул. И остальные за ним тем же порядком. Уф-ф-ф! Тут только я узрел, что со своим инструментом я чуть не оседлал хорошо протоптанную верблюжью тропу. Шли они по своим делам, а моя персона их абсолютно не интересовала. А я-то страху натерпелся! И смех, и грех .

Как «мы»

посрамили начальство

Как-то подъезжают к нам С. К. Калижнюк, а с ним Янов – новый керкинский начальник и еще кто-то на двух УАЗиках. Надо сказать, что С.К. всё время заинтересованно следил за работой обеих экспедиций. Расспросил он Глеба Васильевича, что и как, присели чайку попить в нашем вагончике. Тут зашел разговор об охоте, а они только что проездом постреляли на озере. Янов прихвастнул своей бельгийской двустволкой, а Калижнюк в глаза ему смеётся, говорит: «Дрянь у тебя ружьё» – «Как так?» – «А вот так, ну-ка, неси, Павлик, ружья из машины». Поставили их ружья рядом, а калижнюковские стволы на ширину ладони длиннее яновских. Общий хохот, шум, Янов в затылке чешет, а Калижнюк аж сияет от удовольствия. За неимением кресел вся компания сидит друг против друга на топчанах, служивших ложем Глебу Васильевичу и мне. Тут наш дед завозился и молча достаёт из-за спины из-под матраса нечто в чехле. Не торопясь извлекает из чехла своё «ружьишко» – курковая двустволка, на стволах выгравировано золотом три кольца и надпись: «Его Императорского Величества Тульский оружейный завод». Сравнили: почти на длину ладони больше калижнюковского! Что тут началось! Кому ни приятно, когда начальство оконфузилось. Расспрашивают ухмыляющегося Глеба Васильевича – что за динозавр такой? Оказалось, штучного заказа еще его родителя, под его богатырские габариты. Не зря, значит, просвечивалась хорошая порода у нашего Глебуни! Редко он вытаскивал свою «пушку», но уж если стрелял, то без промаха.

Наваждение

Как тут было устоять? При ближайшей вылазке в Керки обзавелся и я простенькой курковой тулкой. Вот как-то перед вечером собрались все с поля. Вваливаются трое. Дело обычное: мы стоим у дороги на полпути от Кирки до Карамет-Нияза. Другой крыши на всей дороге нет. К нам постоянно заглядывают передохнуть, погреться, закусить. Разные люди бывали, но такие бойкие еще не попадались. Один из них, шофер, уже просто обессилел от постоянного хохота, а те двое так и сыпят анекдотами да всякими «хохмами». Они и в дороге не просыхали, а тут еще в тепле «приняли на грудь». Вдруг один говорит: «Что же это у вас вот ружьё висит, а мы видели только что утка села в протоку рядом с вашим домом?» Я молча хватаю ружьё своё и – туда. Действительно, что-то чернеет за травой и кустиками на той стороне протоки. Бах! Вроде уже и не чернеет, и полететь ничего не полетело. Возвращаюсь, рассказываю. Да на беду свою сболтнул, что первый раз из этого ружья стрелял. Эти «артисты» мгновенно раскусили, с кем имеют дело. И пошел спектакль! Во-первых, это был здоровенный крик, на том самом месте! Во-вторых, первую добычу достать надо, во что бы то ни стало, иначе потом вся дичь так и будет уходить из рук! В-третьих, новое ружьё надо обязательно обмыть, иначе оно может разорваться в самое ближайшее время при самых ужасных обстоятельствах!

Сначала я отнекивался, а потом, совершенно загнипнотизированный их трепом, стал стаскивать сапоги и штаны. На виду у всей честной компании я сунулся в воду... Это был лед, только текучий! Но отступить не было никакой возможности, и я пошел. Протока была шириной метров шесть. Почему я вообразил, что мне могут помешать только штаны, неизвестно. С каждым шагом я погружался всё больше, вот уже задрал весь верхний комплект – майка, рубашка, куртка-бобочка по тогдашней моде. Увы! На тот берег я вышел без единой сухой нитки. Под моими босыми ногами похрустывал ледок, какие-то бадылки, веточки, камыш. Это воспринималось только на слух, я уже абсолютно ничего не чувствовал ногами. Конечно, там никакой утки не было. Тут мне вспомнилось, что подранки ныряют и цепляются под водой за камыш. Откуда запал этот бред в мою голову – не знаю, но я продолжал ощупывать лужу, где не только утка, но и воробей не смог бы укрыться. Обрато двигаться было проще, потому, что ног под собой я совершенно не чувствовал. В домике я сбросил с себя все мокрое, рас-терся и прыгнул под одеяло. Мне заботливо налили полный стакан водки. Обмывание удачно совместилось с лечебной процедурой. Наутро я проснулся сухой и здоровый.

А те два друга еще и не такие «хохмы» устраивали в Карамет-Ниязе. Жаль, не помню их имена. Один потом работал механиком в мехмастерских.

Завершение изысканий

Время шло, и вот в одно совсем не прекрасное утро мы высунулись наружу – всё бело, выпал снег! И это в конце октября, как потом стало ясно за много лет жизни в Туркмении – явление исключительное. Все скисли, а главное, у Г.В. нет ничего теплого. Наши сапоги и телогрейки на него просто не налазили. Единственное спасение – одеяло. Больно было смотреть, как этот мужественный старик по-бабы кутался в одеяло. И сворачиваться невозможно, осталось совсем немного работы. Наши пацаны-реечники тоже забузили, из постелей не вылазят. А тут еще наш приבלатненный мужичок-повар почуял слабинку и сразу показал свои поганые коготки: дров нет, готовить ничего не буду! Короче, давай, начальник, расчет, по такой соба-чьей погоде работать не будем!

Так прошел короткий день, стали соображать, как сматывать удочки. Но ведь работу не кончили, стыдно. Кое-как переночевали, а утром я обозлился, ворвался к ребятам, подбросил в мангал дровишек, с шутками растормошил пацанов, собрал на двоих у кого обувочку попримичнее, у кого куртку, шапку. В общем, снарядил двоих – и айда! На ходу и теплее вроде стало, пацаны мои повеселели. Тут и солнышко выглянуло, дело пошло даже шустрее, чем обычно. А когда мы с работы вернулись и чтоб нам «пожрать» не было готово, это уж и наш проходимец повар сообразил – нельзя. Очень кстати для Г.В. прислали с попуткой какую-то безразмерную телогрейку, и жизнь пошла! Пацаны мои уже стали проситься в поле – там веселее, весь день в движении, киснуть некогда. Вечером тебя встречают как работника, за стол зовут.

Под занавес случилось со мной ещё одно происшествие. По относительно ровной местности мы за день проходили с нивелировкой километров шесть и возвращались к дому другим путем, чем шли туда. Вот возвращаемся – бац! – поперек узкая межгрядовая лощина затоплена водой и ледок стоит. Конца-краю не видать, обходить неохота, а лагерь наш по прямой вот он, километра три. Я командую своей легкой кавалерии: по одному, бегом, марш! Они одним духом по льду на том берегу очутились, прыгают, гогочут, меня зовут. Пока я место удобное выбирал, они костер развели. Побежал я как на коньках, но вес-то у меня побольше, лед прогибается, трещит. Но держит. Так и обошлось бы, наверное, да попалась на пути какая-то тростинка отдельная. Её ветром теребило и вокруг колечко не замерзло. Вот оно-то меня и подвело, от него лед треснул, пришлось метров пятнадцать выбираться по пояс в ледяном крошеве. Хорошо – не глубже. Немедленно все с себя долой, кое-как выжал, сунул мокрый зад

к костру. Вижу, толку не будет. Скорее натянул все на себя обратно: ну, пацаны, догоняйте! Да как врезал! Сначала ужасно тесно было, а когда к домикам подбежал, от меня аж пар клубами валил. Затем – лечебная процедура по известному уже рецепту. Назавтра хоть бы насморк!

Правда, частенько теперь артрит донимает. Может быть, подцепил я его в тех зимних купелях?

На правом берегу изыскания вели гипроводхозовцы Григорий Иванович Огорельшев и Саша Беккер. Г.И. – сухой подвижный старик, виртуоз своего дела. Бесконечно выносливый и терпеливый человек. А с Сашей еще не раз пересекались наши пути в Каракумах.

Между прочим, именно там, в составе группы студентов-практикантов у Беккера работала Эльда Доманина, моя будущая жена. Но встретились мы только пять лет спустя на строительстве второго Тедженского водохранилища.

На озерах мы встретили новый 1955 год и только 4 января С. К. Калижнюк «собственноручно» снял нас с трассы. Задание мы благополучно выполнили. Почти три месяца полевой работы сдружили нас, жаль было расставаться. Мы тепло проводили домой Глеба Васильевича, а Яша вернулся к себе на участок «Эксплуатация». Забегая вперед, скажу, что наш Яша, Язы Курбанович Джумаев, работал на Каракумском Канале, отслужил в армии, заочно кончил институт, женился на дочери партийного секретаря, работал в строительной индустрии и... стал министром пищевой промышленности Туркмении. Пути номенклатурные неисповедимы!

Увы, калижнюковская идея о ГЭС на Канале не осуществилась. Очевидно, напор и объём воды оказались малы. Все же, не всё «могут короли», особенно в инженерном деле.

Не так страшен чёрт...

В январе вернулся я на Час-Как, и стали мы здесь возводить оградительные дамбы: чтобы вода пошла в Канал, в озере нужно было поднять уровень воды на несколько метров.

В эту первую зиму 1954—55 годов основным жильём были землянки. Устраивали их и на прорабских базах, и в Час-Каке и в Карамет-Ниязе, где базировалась теперь контора. Землянка сооружалась быстро и просто: выбиралась бульдозером траншея, вот вам ширина и глубина. А длина – по потребности. Стены и пол обшивались досками по каркасу, на потолок что-либо покрепче. В торцевой стене – дверь и окошко. Засыпали обратно грунтом и жильё готово. В моей землянке помещались поперек впритык две железные койки, у окошка – крошечный столик, посередине – жестяная печь, труба в окошко. Всё. Весь гардероб – в чемодане под койкой.

Никаких запоров ни на дверях, ни на чемоданах! Отныне и на всю Первую очередь, во всяком случае, в полевых поселках наших участков или «отрядов», как их тогда называли.

Вода в озере Час-Как накапливалась, горизонты росли. Ушла под воду часть времянков на берегу, скрылся под водой «кирпичный завод». Вся деловая жизнь переместилась в Карамкт-Нияз, где была контора. Там разворачивалась рембаза, склады, столовая. Там строились первые дома. В самом первом коттедже пока помещалась контора, во втором поселился начальник конторы Беляев с семьей. Строились здания общежития. Но много было еще помещений не капитальных: целая площадь с двух сторон была занята землянками, в стеновых ограждениях использовались камышовые маты. В первый мой приезд в Карамет-Нияз меня поразило, что крыши двух соседних навесов примкнули друг к другу не коньком, а седлом! Неужели тут вообще не бывает дождей или снега?! Увы, это был просто плод спешки и недогляда.

Был такой эпизод. К весне 1955 года после возведения береговых оградительных дамб мы приступили к строительству большой перегораживающей плотины поперек цепи Келифских озер ниже озера Час-Как. (К2). Воде из Час-Кака надлежало повернуть в искусственное русло Каракумского Канала. Протоку за озером пересыпали перемычкой, вода стала накапли-

ваться, а ниже мы стали возводить капитальную плотину. Туда затащили несколько передвижных домиков для механизаторов. И вот как-то поднялся сильный ветер. Он так свистит и завывает в проволочных оттяжках радиомачты рядом с моей землянкой, что жутко становится.

Поздняя ночь, электростанция в соседней землянке заглушена. Полная темнота. Как только закрываю глаза, встает воображаемая картина: огромные волны, разогнанные ветром, обрушиваются на слабенькую песчаную перемычку, она не выдерживает, расплзается и... четырехметровой высоты поток хлынул на спящих людей, вода сносит домики, тонут скреперы и бульдозеры! Я просыпаюсь в холодном поту, с трудом соображаю, что это мне померещилось. А снаружи несется леденящее душу завывание: Уи-и-и-и!!!... Долго уговариваю себя, но только закрываю глаза – та же жуткая картина! Я просто извелся весь.

Наконец, не вытерпел, не дождался рассвета и ринулся в темноту. До перемычки – километра три. Местность – бугры, ямы, кочки, кусты. Топал напролом, локтями прикрывая лицо, уповая на прочность сапог и штанов. Да еще этот сумасшедший ветер. Когда стал подходить, уже начало рассветать. Напряженно вслушиваюсь: не гудит ли вода в прорыве? В вое ветра всё мерещится что-то. Уже достаточно рассвело, с замиранием сердца выглядываю из-за последнего бархана... Стоит моя перемычка целехонькая, тут за изгибом протоки и волны-то почти нет, да и ветер за бугром вроде не так дует! Солнышко поднялось, ветер поутих. Я в полном обалдении прилег на песочек этой самой перемычки, отдышался. И впервые понял, что в тысячу раз лучше быть рядом даже с самыми драматическими событиями, чем «болеть» в стороне от них. Эх, сколько же раз подтверждалась эта истина и на Канале и на паводках и в других делах.

Л. П. Файнберг

На столике у меня – громоздкий черный ящик радиостанции «Урожай», по которой мы выходим на связь с главным инженером конторы Львом Павловичем Файнбергом. Связь идёт открытым текстом, и иногда дебаты с темпераментным Л.П. явно выходят за рамки дозволенного. Вдруг воцаряется гробовое молчание, обе стороны с сожалением осознают, что хватили лишку. Переговоры возобновляются в более спокойном ключе:

Мы: – «надо, надо, надо...».

Он: – «давай!, давай!, давай!...».

Лев Павлович – типичный холерик: стремительный, шумный, соображает мгновенно и очень нетерпелив. Механик «милостью божьей». Это он создал среди голой песчаной степи мехмастерские в Карамет-Ниязе, организовал «переваривание» добитой техники из свернутой стройки канала от Тахиа-Таша в низовьях Амударьи в сторону Красноводска. Он собрал, а, главное, удержал около себя целую плеяду механиков и механизаторов с золотыми руками. Сейчас трудно поверить в каких условиях ремонтировалась техника, какими примитивными средствами это выполнялось.

Вспоминается малюсенькая комнатка в первом доме в Карамет-Ниязе – кабинет Льва Павловича. За столом в облаках табачного дыма утопает маленькая ладная фигурка Файнберга в пилотской кожанке. В зубах – неизменная папироса, а на столе – пепельница в виде увесистого металлического лаптя «сплетенного» чьей-то виртуозной рукой из слоёв сварки. Мне всегда становилось как-то не по себе, когда в пылу жарких споров в этом кабинете кто-либо из «высоких договаривающихся сторон» для убедительности хлопал этим «лаптем» по столу. Слава богу, дальше дело ни разу не зашло.

Мой каракумский наставник Саша Долгов

Крохотную землянку на Час-Каке первое время со мной делил наш механик. Рассказывал, что работал раньше на Севере. И вот однажды забрали его и увезли. Оказалось, где-то под Архангельском сгорела у него автомашина с газогенератором на дровяных чурках. Сгорели люди. А он подался в бега и решил, что «на другом конце географии» его не найдут. Нашли.

Вот на смену этому бегуну механиком и начальником отряда пришел Александр Федорович Долгов.

Среднего роста крепкий мужичок, лобастый, курносый и широкоскулый со светлыми глазами под мощными надбровными дугами. Саша – талантливый механик, истинно народный самородок. Кажется, кроме танкового училища военных лет, нигде он и не учился. Но как этот простецкий с виду мужик великолепно чувствовал технику! Во всяком случае, в тракторах и автомашинах для него не существовало понятий «не знаю, не могу, нечем отремонтировать». Любая развалюха оживала в его золотых руках.

Он выучил меня работать за рычагами бульдозера и скрепера, водить автомашину, иначе, как же можно командовать механизаторами? Частенько после трудового дня, раскрутив все дела на завтра, мы ужинали или «заправлялись», как говорил Саша, и отправлялись в забой. Всегда находилась пара механизмов, почему-либо простаивающих без водителей. И до глубокой ночи мы «пахали» в забое. Со временем я так натаскался, что на равных мог бы потягаться со многими работягами. Это очень облегчило отношения с механизаторами, да и проблема «лапши на уши» рассосалась сама собой. Спасибо Саше за науку.

Тогда я понял на собственной шкуре, что такое труд бульдозериста или скрепериста. Бульдозерное и скреперное оборудование крепилось к базовому трактору «Сталинец» мощностью 80—100 лошадиных сил. Сей «железный конь» являл собою воистину сталинскую заботу о трудовом человеке. Грохот двигателя, лязг гусениц, визг тормозов лебедек – это «музыкальный фон». Трясет в кабине нещадно. Герметизации в кабине практически никакой, тракторист выходит как шахтер из забоя, только глаза и зубы блестят сквозь кору пыли, сцементированной потом. Про легкие и думать не хочется. Уплотнения держат смазку очень плохо, кругом подтеки и грязь. И ко всему этому летом невыносимая жара, к открытому железу дотронуться невозможно. На рабочем месте атмосфера сауны. Летом днем не выдерживали сами машины: перегревались, вода в охлаждении закипала. Ох, и высокой ценой доставался работягам «длинный каракумский рубль»!

Высшими качествами в работнике, по мнению Саши, были умение и смекалистость. Только он мог терпеть у себя в отряде спившегося и опустившегося человека за его золотые руки. Всем он был известен под кличкой «Сапог». Когда дядя Саша Серафимовский в состоянии был работать, его руки творили буквально чудеса слесарного искусства! Тогда он был бог, он мог сделать всё. Мы знали судьбу этого человека: воевал, попал в плен, был отдан на какую-то немецкую ферму. Хозяйка дорожила его виртуозным умением паять и лудить, наладили они изготовление бидонов, вёдер и прочего. Так и выжил. А у нас отсидел своё за плен. К нам попал среди «контингента амнистированных». Долгов ходил любоваться, как работает дядя Саша, готов был простить его слабости за виртуозное мастерство.

Как жестоко разделался однажды Долгов с двумя блатными проходимцами! Как-то вечером ужинаем мы с Сашей. Вваливаются двое. Один остался в дверях, а второй постарше повел разговор в таком духе: мы, начальник, останемся у тебя, мы тебе всех мужиков заставим работать и по струнке ходить, а ты будешь платить нам как надо, но работу с нас не спрашивай. За нами будешь, как за каменной стеной! Ничего не говоря, Саша вдруг метнулся к этому «пахану», схватил за грудки и страшным ударом головой вышвырнул его в дверь. Вагончик наш был на высоких санях, к двери вела лесенка в три-четыре ступени. Оба любителя легкой

жизни кубарем грохнулись с высоты оземь. Я не успел опомниться, как Долгов уже с улюлюканьем гнал их пинками вон. Потом рассказывали, что они пешком приплелись в Карамет-Нияз, один чуть ли не с переломом руки, и с первой же оказией уехали от греха подальше. Вот уж, действительно, не на того напали.

Но, зато, с каким терпением, по-отцовски, возился он с молодыми ребятами. Как-то летом 1955 года привезли работать в Карамет-Нияз группу мальчишек из ремесленного училища. Каменщики – штукатуры. Лет по 15—16. Деревенские пацаны с Кубани. Человека четыре попросились у Александра Федоровича взять их на работу в наш отряд. Ну, что с ними делать, думал я, они «железок» и не нюхали. А Долгов их взял! Несколько месяцев они только помогали слесарям: промывали снятые при ремонте детали, подай то, принеси это. Потом стали участвовать в ремонте всё осмысленнее, все косточки трактора прощупали своими руками. Только после этого Долгов разрешил подпустить их к рычагам. А через год можно было наблюдать картину, как в кабине бульдозера вертится шустрый худенький пацан Костя Монахов. Лихо орудует рычагами лебедки и фрикционов, а рычаг скорости переключает ногой! «Прямо как обезьяна!» – хохочут мужики. Знаю, что Заслуженный механизатор Константин Монахов и сейчас трудится на трассе Каракумского канала. А обязан он этим Александру Федоровичу Долгову.

Как-то привез Саша деваху: крепко сбитая ладная белотелая красавица лет восемнадцати. Огненно-рыжая. Обустроился Саша по-семейному, я остался один. Мы думали, собьёт он оскомину, вылиняет её рыжина, и прощай! Да еще разница двенадцать лет! Ан, нет! И цвет волос оказался натуральный, и характер со временем прорезался, будь здоров! Прикипел Саша к своей Рыжей на всю жизнь. Двух сыновей подарила она ему, по всем стройкам мотается с ним.

А по-первости случился с Рыжей такой конфуз. Простыла она, провалялась с высокой температурой несколько дней, а потом на живот стала жаловаться. Может аппендицит? Снарядил Саша машину в Ничку, отправил её к медикам. Вдруг, довольно скоро возвращаются. Оказывается, растрясло Валюху, вылезла юная скромница «до ветру»... и болезнь кончилась! Посмеялись. Мужикам дай только позубоскалить, Долгова не пощадят. Извини, Рыжая.

Мы долго жили вдвоем, крепко сдружились, кажется, в силу нашей полной непохожести друг на друга. Он – фронтовик, мужик, как говорят, «от сохи», талантливый умелец и знаток не только в механике, но и в душах человеческих. А я – городской книжник, вчерашний студент, мало, что видевший в жизни, но упрямо придерживающийся своих принципов в понятиях «что такое хорошо и что такое плохо». Сколько вечеров провели мы вместе вдвоем или в компании, когда Саша рассказывал о своих фронтовых похождениях, о всякой всячине «за жизнь», наконец, просто анекдоты, которых знал он великое множество. Память у него великолепная. Это был настоящий лидер, и я благодарен судьбе за такого учителя при первых шагах моей самостоятельной жизни и работы.

До последних лет мы изредка с удовольствием встречались. При его буйном нраве жизнь его не очень баловала, но его авторитет прекрасного механика был незыблем. Строил Нурекскую ГЭС, потом – Рагунскую. Знаю, что его «бросают» на самые трудные неординарные дела, где, кроме профессионализма, требуется смекалка и принятие самостоятельных решений.

Каракумцы

После эвакуации из зоны затопления Час-Кака остаток зимы пришлось провести в Карамет-Ниязе в передвижном вагончике с двухъярусными нарами. Отопление солярочное: на стене висит «топливная емкость» – бачек от рукомойника, вместо соска вделана тонкая трубка с краником, по ней солярка капает в жестяную печку. Тепло, но все ходили как трубочисты. Народ прибывал, с жильём было совсем худо, приходилось довольствоваться малым. Жили все вместе: два итээровца и пять механизаторов. Если мне не изменяет память, это

были бульдозеристы Мартьямов, Сергей Ковальчук, Виктор Петсон, Борис Меннакзамов, Сергей Бочевский и Виктор Коваленко. Все они уже тогда были мастерами своего дела, все впоследствии много лет проработали на Канале и стали буквально асами профессии. Конечно, на огромной стройке было много других прекрасных мастеров, но я рассказываю о тех, кого хорошо знал.

Надо сказать еще вот о чем. Среди рабочих было немало амнистированных в связи со смертью Сталина. Теперь хорошо известно, что это были отнюдь не политические. А уголовник никогда себя неправым не считает. Наверное, были и невинно пострадавшие. Никто нас этому не учил, но все руководители свято соблюдали правило: в душу человеку не лезь, если захочет, сам исповедуется. А ценился человек по работе, по отношению к товарищам. Труд всё и всех расставил по местам, особенно, когда пришло каракумское лето. Очень скоро куда-то исчезли разные захребетники блатного пошиба, все эти «паханы» и «законники».

На часкакских дамбах работал у меня скреперист некто Веревкин. Маленький, но силы огромной, грудь круглая как бочонок. Что-то стал он с приятелями пропадать на два-три дня. Ситуация прояснилась, когда «загребла» их милиция. Они добирались в Керки до железной дороги и там «работали по специальности», грабили в поездах. Потом возвращались на стройку. Но самое удивительное, ведь работали как звери, наверстывая упущенное, правда, при помощи «чифиря», крутого отвара чая.

Каракумская действительность оказалась не по зубам любителям легкой жизни, оставались настоящие труженики. Конечно, такая стройка – это не пансионат благородных девиц, как и везде – люди разные и противоречивые, но главное – стройка не стала вотчиной блатняков.

Взять, хотя бы, упомянутых моих соседей по жилью. Одинакова в них была, пожалуй, только одержимость «железками».

Живчик Буря

Вот Боря Меннакзамов, щупленький всегда улыбающийся татарчонок. Подражая ему, все звали его Буря. Около него всегда хохот от его прибауток и брехаловки. Он не очень тверд в русском, у него характерный акцент с проглатыванием гласных, но на душе становится веселее от его трепа. Буря всегда готов помочь любому.

Феномен

Вот феноменальный Петсон – типичный латыш: выпуклые светлые глаза, острый нос, высокий лоб, прямые русые волосы. Во всем небольшом теле, кажется, ни жиринки. Говорят – «двужильный». Этот, наверное, «четырёхжильный», в работе просто одержимый. Я свидетель такого случая. У его бульдозера ночью в забое потек сальник бортовой коробки передач. А рядом с нашим домиком стоял на ремонте чей-то трактор. Он подогнал свой бульдозер к этому трактору, один разобрал две бортовые, переставил исправный сальник на свою машину, собрал обе и уехал до рассвета! Один! Понять и оценить такое способны только механизаторы. Потом, когда его, конечно, разоблачили по следам, даже настоящего скандала не случилось, так мужики были потрясены!

Если он не был занят работой, он ГОВОРИЛ: излагал, спорил, доказывал, убеждал всех и вся в своей правоте. Всё с той же одержимостью! Что? О чем? Да что угодно! Что работать надо только на уровне рекордов, тогда и заработки будут рекордные. Что жить надо только петсоновски, то есть зиму работать, а три – пять летних месяца проводить на море в Адлере в свое удовольствие. Что надо не скупиться и на трассе держать около себя молодую бабу – окупится. Он так и делал. Через год—два ему не стали при возвращении из самовольного отпуска давать новый бульдозер. Он восстанавливал какую-нибудь развалюху своими руками и опять давал рекорды и имел рекордные заработки. Изобрел он впоследствии «соху»: рыхлитель на шарнире сзади бульдозера. Здорово для тяжелых грунтов. Но я не завидую тем деятелям ВОИР и администрации, на которых замкнулась эта петсоновская идея. Ему бы образование, там генералу «делать нечего вообще», как поётся у Высоцкого.

Трактор «потух»

Помню братьев Курбановых. Младший Курбан Курбанов – высокий чернобровый красавец с крупными чертами лица. Он прекрасно работал, хорошо разбирался в технике и надежно выполнял любые задания. Года через полтора-два привел он старшего брата Тачмурада. Тот, очевидно, бульдозер видел впервые, но он только что освободился из заключения и готов был взяться за любую работу. Долгов согласился взять его: было бы желание, научим. Вот Курбан и стал его натаскивать. Через какое-то время Тачмурад освоился с рычагами, стал «пахать» неустанно. Но, если вдруг трактор заглохнет в забое, шел звать на помощь: завести сам не мог. Все с уважением наблюдали, с какой одержимостью старается встать на ноги этот немолодой по нашим тогдашним меркам мужик.

Однажды днем приходит он очень расстроенный. Брата нет. «Что такое, Тачмурад?» – «Трактор потух!» – с трудом подобрал он русское слово. – «Как потух?» – «Совсем потух!» – «Пойдем, посмотрим, сейчас заведем!». Оказалось, сорвало поршень, шатун пробил блок и торчит наружу. А взрослый крепкий мужик, натерпевшийся уже в жизни немало, облокачился на гусеницу и буквально рыдает: рухнула надежда, опять одни несчастья! Ни слова упрека не сорвалось у бешеного в таких случаях Саши Долгова. «Плюнь, брат, это же всего-навсего железо! Из-за этого дерьма не стоит так переживать. Всякое бывает! Что-нибудь придумаем». Дал он команду, наладили какой-то трактор из ремонта. Постепенно Тачмурад освоился, стал зарабатывать прилично и зажил по-человечески. Даже медалью был награжден.

Ковальчук

Прямая противоположность Буре – Сергей Ковальчук. Отлично сложенный высокий красавец-мужчина, черные вьющиеся кудри, серые глаза. Но какая-то жутковатая ухмылка бродит на его тонких губах... Молчун, слово из него клещами не вытянешь. К такому не сунешься с трепом. Это человек, крепко обоженный жизнью. Несколько раз под хмелем он порывался было что-то объяснить, но всякий раз дело кончалось нервной трясучкой и ничего связного от него услышать было невозможно. Одно я понял: что-то страшное и жестокое проутюжило его душу.

Интеллигент Аман

Еще один ветеран нашего отряда – Аман Аннамурадов. Очень симпатичный, доброжелательный, я бы сказал интеллигентный человек. Ладный, спокойный. Высококласный бульдозерист. Кажется, он из учителей и вот сел за рычаги. У каждого жизнь складывается по-своему. К нему так и тянулись все ребята-туркмены, ведь он самый грамотный среди них и не только среди них. И справедливый. Хороший парень.

Зануда Коваленко

С двойственным чувством вспоминаю я Виктора Коваленко. Из «старичков» он дольше всех проработал в моем прорабстве. Маленький, подвижный, с хитрыми круглыми быстрыми глазками и удивительно низким сильным голосом, язвительный Коваленко был прекрасным собеседником в бесконечных суждениях «за жизнь». Его хлебом не корми, дай поспорить. Обо всем у него свои четкие холостяцкие понятия, своё знание людей. Он часто возвращался к теме о том, как его, знаменитого бульдозерного аса не приняли в родной колхоз на Кубани: мол, не нужны летуны, своих механизаторов хватает! Он был крепко озадачен и обижен. И этот мой земляк и приятель Коваленко становился просто наказанием для меня, как только наступала пора закрывать наряды. Я теперь сильно подозреваю, что ему не так важен был результат, как удовольствие от процесса «потрясти как грушу чью-нибудь душу». Увы, по молодости я оказался подходящим объектом. Со всеми вместе остальными рабочими было проще уладить все вопросы, чем с ним одним. С тех пор сидит во мне глубокая неприязнь к пресловутому «нарядному хозяйству».

Мастер экстра-класса

Сергей Бочевский все время работал в других отрядах, но однажды я принимал от него работу во время отпуска его прораба. Когда участок канала был вчерне готов, Сергей попросил меня сделать предварительную съемку. На забое длиной около ста пятидесяти метров я пронивелировал три-четыре поперечника, сказал ему, где какие недоборы. Когда он позвал меня снова, я стал пенять ему, зачем так «вылизал» поверхность, ведь наверняка придется еще доводить. Каково же было мое изумление, когда на всем участке я не смог обнаружить отклонений более двух-трех сантиметров! Это в песчаном грунте плавающим ножом весом тонны полторы! Вот это класс! Потом Сергей рассказывал, что раньше работал на золотых приисках открытой разработки, там и набил руку.

«Вездепроходец» Саня

Наш прорабский транспорт – автолетучка ГАЗ-51. В фургоне удобно возить людей и весь наш геодезический инструмент, а то и какие-нибудь железки или автоген, электросварку. За рулем – неизменный Саша Романов, очень симпатичный крепыш небольшого роста. Саня виртуозно водил свой «газик» в песках, предпочитая целину тамошним «дорогам». Кстати, по проходимости в песках ГАЗ-51 очень высоко котировался среди наших шоферов. Саня умудрялся содержать свою «кормилицу» в отличном состоянии, гордился, что наездил без ремонта больше ста тысяч километров. И каких километров! Александр Романов до пенсии проработал в Каракумстрое.

«Друг Сибоб»

А вот еще один «покоритель» Каракумов. Где-то за Ничкой появляется как-то ОРСовская (ОРС – отдел рабочего снабжения) автолавка с новым продавцом-водителем: здоровенный мордастый шустряк Юра Сивов. Проехал он пару раз по трассе: это сто километров от его орсовской базы и сама трасса около ста километров. Огляделся слегка и решил проверить гешефт: в нарушение «сухого закона» завезти водку и давать в долг до зарплаты, а потом собрать деньги с «наваром». Желающих нашлось, естественно, множество. Раздал он «под карандаш» не один десяток ящиков, предвкушал хорошие барыши. Не получилось. На трассе сотни людей, все чумадые, на одно лицо. Да и Юра при таких возможностях трудился всегда в подпитии, многих видел всего раз. Собрал жалкие крохи. Конечно, скандал, выгнали его с автолавки, грозили судом.

Пришел он к нам в отряд, просится на бульдозер: надо отрабатывать. Посмеялись, но начальник наш, Саша Долгов, рассудил так: «Раз наши мужики водку твою выпили, придется выручать. Ты же шофер все-таки, бульдозер освоишь». И уговорил маленького худенького Борю Меннакзамова взять к себе на выучку этого пузатого горе-коммерсанта. Потом они работали так: днем в жару пахал Юра, пока трактор терпел. Вечером приходил Боря, исправлял его «свиной» и работал «по холодку» до утра. Это был участок очень больших выемок, около пятнадцати метров. Одной траншее хватало не на одну смену, работа стабильная и заработок обещал быть приличным. Так и получилось.

Прошло больше месяца. Вдруг передают с оказией Сивову записку от нашего участкового милиционера, был такой старик, один на всю трассу. Карандашом на клочке бумажки:

 # друг сибоб приходи а то сам знаши что будет

А в конце нацарапана очень выразительная решетка! Все укатывались от хохота от такой повестки.

И Сивов не расстраивался: он уже получил первую зарплату, поехал с первым взносом.

Прижился у нас «друг Сибоб». Стал классным бульдозеристом, привез под стать себе жену и аккордеон. Никогда не унывал, всё в своем репертуаре: играл, пел, показывал со сцены фокусы, в финале которых одним духом опустошал «из горла» пол-литровку водки, возникавшую «из ничего». В пику начальству и «сухому закону». Ему это, что слону дробина.

Такие мужики и строили Канал.

По «ниточке»

К лету 1955 года были завершены первоочередные работы по строительству оградительных дамб на Келифских озерах, шло накопление воды в озерах и назревало новое событие – пуск воды в первый участок искусственного русла Канала. Это был участок от Час-Кака до Карамет-Нияза, (К2) – всего километров семь. Уже вся землеройная техника была распределена между строительными участками, или как их тогда называли, отрядами. Каждому отвели захватку протяженностью десять километров. Отрядов было три, назывались они по номерам: №1 – начальник Алексей Лисов, прораб Антонина Новикова, №2 – начальник Иван (?) Каграполов, прораб Юрий Шопин, №3 – начальник Александр Долгов, прораб я, Владимир Верный.

Если не ошибаюсь, пуск воды по первому участку приурочили к 1 Мая 1955 года. Съехались все строители, приехало начальство во главе с С. К. Калижнюком. Отчетливо помню, как еще во время строительства С. К. К. тряс перед носом Тони Новиковой своей культей с обрубленными пальцами и категорически требовал: «Канал должен быть по ниточке!». Сколько сил и нервов потратила Тоня, сколько порвала голосовых связок, сколько труда вложили механизаторы! Мы все болели за Тоню, бегали смотреть на ее «первенца». И они сделали-таки «по ниточке»! Торжественно была вскрыта головная перемычка и под всеобщее ликование вода пришла в Карамет-Нияз. Но наполненный канал, к сожалению, уже не выглядел таким отутюженным, «ниточка» несколько расплывалась.

К этому времени в голове Канала еще один участок вел проводку землесосов с разработкой русла и укреплением оградительных дамб. Там прорабствовали Анатолий и Юля Зоновы. На Час-Каке набирал силу участок по строительству сооружения на 105 километре трассы. Возглавлял его Павел Васильевич Голубев, наш с Вадькой институтский однокашник. На 122 километре монтировали шагающие экскаваторы. На них возлагали большие надежды, увы, впоследствии не оправдавшиеся. Шло полным ходом и строительство базового поселка в Карамет-Ниязе. Там работами руководил Степан Евдокимович Кучеренко. В 1955 году выросла целая улица коттеджей и других построек.

Короче говоря, работы велись во многих направлениях, но главным было, разумеется, вгрызаться в пески и вести за собой воду.

Анти – «ниточка»

Километрах в 30 от Час-Кака трасса пролегла по резко пересеченной местности. Сравнительно спокойная, местами такырная зона сменилась беспорядочным нагромождением барханов и котловин, небольших и с перепадом отметок в 6—8 метров. Иной раз ось выемки попадала на высокий бархан, а грунт приходилось сталкивать в рядом лежащую котловину. Вот тут-то и стали одолевать нас крамольные мысли. Ведь какая наша основная цель? Как можно быстрее провести воду по трассе, остальное доберут землесосы. Наша задача – пионерная траншея! С другой стороны, мы видели на первом участке и дальше, что наполненный водой канал уже не выглядел таким вылизанным, пресловутая «ниточка» сильно смазывалась. А при длительном прохождении воды начиналась и переработка берегов в местах поворотов трассы или перемены плотности грунтов: ведь канал в песках, это живая река со своими законами жизни. На свой страх и риск стали мы по возможности обходить барханы, использовать местные понижения. Конечно, с соблюдением заданного сечения Пионерки, с плавными переходами и в пределах полного сечения Первой очереди. Продвижение по трассе пошло значительно быстрее, хотя, признаться, внешне готовая Пионерка выглядела не совсем «по ниточке».

И вот как-то нагрянул к нам С. К. Калижнюк, увидел наши «художества». Боже мой, какой он нам устроил разгон! А мастер он был по этой части выдающийся, надо отдать ему должное! В моей прорабке были, кажется, еще Юра Шопин и Толя Зонов. Терять нам, собственно, было нечего, мы были убеждены в своей правоте, а безропотное подчинение начальствующим авторитетам в нас еще не вселилось. И мы кинулись отстаивать свою правоту во всеоружии молодых глоток и основательной инженерной школы. Вытащили свои сравнительные схемы, чертежи, подсчеты вариантов и сокращения объемов работ. Ясно было, что так быстрее,

а ведь это сейчас главное. К чести С. К. К., он со своим колоссальным опытом быстро понял, как теперь бы сказали, эффективность такого подхода. Думаю, немалую роль сыграло и то, что он убедился в продуманности и грамотности нашей работы. Хитрющий и мудрый Калижнюк вдруг махнул рукой и со словами «А-а, вас не переспоришь, делайте, как знаете!» – встал и уехал. Мы по-мальчишески ликовали. Еще бы, самого Калижнюка переубедили! Именно, переубедили, а не переспорили.

О друзьях-товарищах

Давно, очевидно, надо рассказать о моих каракумских друзьях- товарищах.

Я уже говорил о том, как мы, ленинградцы, попали на канал. А вот из Киевского гидро-мелиоративного института на строительство Каракумского канала в 1954 году была направлена большая часть выпуска, около 20 человек. Назову, кого знаю. В Керки на Головном и «Эксплуатации» работали неразлучные Лида Кваша, Крива Маша, Миненко, Позенко и Скляр. Так в рифму их и называли. Были киевляне и в Мары: Кашпур, Оленич. Были и в ашхабадском Туркменгипроводхозе: Борис и Женя Дмитриенко, Роза Фридман. Всех их я тогда знал плохо или вообще не знал. А на строительстве Пионерного канала проработовали мы вместе с киевлянами Юрой Шопиным, Анатолием Зоновым, Антониной Новиковой, Степаном Кучеренко. Мы, трое ленинградских политехников – Павел Голубев, Владилен Парфенов и я отлично работали и сдружились с ними.

Это были люди, отрочество или юность которых пришлись на годы войны. Многие пережили ужасы оккупации или эвакуации, а кто постарше – и повоевал. Так, Степан Кучеренко партизанил. Все были очень неприятельны по части житейского комфорта, годами обходились солдатским минимумом: койка в передвижном домике, питание в общей столовой. Многие по два-три года не бывали в отпуске. На одном месте жили не более нескольких месяцев. А чего стоили каракумский зной, обжигающий «афганец» и пыльные бури! Не сладко было и зимой в наших фанерных домиках-юртах, обтянутых матами из мешковины и брезентом. В конце концов никто принудительно не мог бы задержать нас в песках, положение об обязательной отработке трех лет – вещь относительная. Однако, я не знаю ни одного случая бегства среди молодых инженеров.

Напротив, несмотря на труднейшие условия работы и жизни, мы всегда были веселы и при первой возможности собирались вместе на славные застолья. Позже вошли в систему выезды к воде на рыбалку. Обычно это было в дни праздников, когда к этим выходным прибавлялись два-три за проработанные воскресенья. Делалось это, собственно, для того, чтобы кто-то из рабочих смог за эти дни съездить домой. Мы же никуда не уезжали, а выбирались вверх по трассе до воды и там прекрасно проводили время «на лоне»: рыбачили, варили уху на костре, выпивали, болтали обо всем на свете и чувствовали себя великолепно. (См. Фото).

Отдых на рыбалке 7 ноября 1957 года

Мой друг Вадим

Сначала проработовал, а потом работал в ПТО конторы мой лучший друг Владилен (Вадим) Парфенов. Мы окончили одну школу в Южно-Сахалинске, вместе поехали в Ленинград и поступили на один факультет с той только разницей, что я сдавал экзамены, а он как медалист был принят сразу. Все годы учебы мы жили вместе в общежитии и вместе приехали на Канал.

Опишу одно наше приключение.

За пять лет учебы в институте у наших родителей только один раз хватило средств на нашу поездку домой на каникулы. Это было после третьего курса. Самое дешевое – до Владивостока – поездом, а там парходом – на Сахалин. В Москве выбирать не приходилось, доста-

лись билеты в вагон с детьми. На практике мы оказались в атмосфере круглосуточного детского сада. Малыши визжали и шумели, забирались к нам на верхние полки. К Вадьке липли, как пчелы на мед. Он с ними кувырчался, играл, пел, декламировал стишки. Мамаши просто таяли.

Через несколько дней пути нащупали мы великолепную отдушину. На пути из «материка» на восток ресторан был практически пуст, народ возвращался из отпусков. Мы с Вадькой устраивались в ресторане у окошка, брали по бутылочке пива и любовались пейзажами за окном. А в Сибири, особенно у Байкала и далее вдоль Амура, красоты были потрясающие.

Ближе к Чите сложилась наша безотказная миссия – провожать сходящих. У всех дети, чемоданы, узлы, сумки. Кто же поможет как не два здоровых парня на весь вагон. Уже составлялись графики на дни вперед. Но...

На восьмой или девятый день пути прибыли мы в Читу. До Владивостока еще суток трое. Стоянка поезда час. Беру инициативу в свои руки. Из телефонной будки через Справочное аэропорта выясняю: завтра есть рейс до Южно-Сахалинска. Мягкий или жесткий, пока не известно. Цены соответственно. Выворачиваем карманы – тютельница в тютельку на мягкий! Тут и решать нечего, трое суток поездом, потом трое парходом, а тут – часы! Из вагона нас провожал горестный хор детишек и мамаш: помощники смылись!

В городе зашли в столовку, заказали по супчику, а в основном налегали на хлеб. Благо карточки только отменили, и впервые хлеб свободно появился на столах.

Добрались до аэропорта, уточнили – рейс утром. Надо ждать. Томимся голодные. Поздно ночью говорят – борт жесткий. Вадька идет к Справочному с тем же вопросом. В ответ ругань за окошком, там его приняли за меня, вот и возмутились. Убедительно! Благо, в аэропорту есть ночной ресторан, теперь наше место там!

Назавтра мы были дома.

Вадька в те годы всех покорял своей общительностью, отличными способностями, природным артистизмом. За что бы он ни брался, все у него получалось: и учеба шла легко, и стихи при случае сочинял. А как пел и играл на балалайке! Он был любимцем всего курса. После Первой очереди он работал на строительстве сооружения Джар в Марыйской области, затем на второй и третьей очередях Канала в ПТО Ашхабадского СМУ.

Его знало множество старых каракумцев. На Канале Вадим и женился. У них с Леной двое детей: мой крестник Дима и младшая Лена. К сожалению, умение в молодые годы поддерживать мужское застолье с годами приняло форму болезни затяжной и тяжелой. В восьмидесятых годах Вадим переборол проклятый недуг, очень полезно работал в ПТО строительства Сары-Язинского водохранилища. Вырос Дима, младший Парфенов, биофизик в Питере, отличный парень, умница и не белоручка.

К сожалению, мне выпало похоронить друга в Ашхабаде.

«Зонтик» и Юля

Анатолий Зонов такой же, как Шопин и я, прораб мехотряда. Небольшого роста худенький рыжеватый парень с большущими голубыми глазами на выкате. Человек скромный и трудолюбивый, всегда с улыбкой готовый на любую работу. Друзья ласково звали его Зонтик. На Канале работал он прорабом участка сухопутных земмеханизмов, а потом на земснарядах. После Первой очереди Анатолий Васильевич работал на стройках Узбекистана и Казахстана, начальником отдела Гипроводхоза в Симферополе. В 1978—1983 годах – он главный инженер строительства Сары-Язинского водохранилища на реке Мургаб в Туркмении. С первых дней на Канале тихий Зонтик обскакал нас всех, женился на своей землячке Юле. Вместе они прошли всю жизнь по стройкам Средней Азии и Крыма. Трое детей, внуки. Много лет мы дружили семьями. К сожалению, инсульт рано унес жизнь Юли. Анатолий и сейчас (2007год) трудится как муравей вместе со своей новой женой Люсей на своем дачном участке под Симферополем.

Вырастил сад, возделал огород, даже коз развел. А главное, дом соорудил на скале такой, что и зимой они там обитают вдвоём. И надеются они только на Бога да друг на друга.

Юра и Лида Шопины

Самым заядлым охотником и рыбаком среди нас был Юра Шопин. Этот богатырского сложения парень всегда был уравновешен и справедлив. Он не лишен самоанализа и желаний поглубже понять людей. В работе на него спокойно можно было положиться: все делалось тщательно, грамотно, толково. Внешне прямая противоположность ему его жена – миниатюрная подвижная и звонкоголосая Лида. Юра благодушно и даже демонстративно принимал своё подкаблучное положение. В восьмидесятых годах Георгий Георгиевич Шопин преподавал на кафедре мелиорации Мелиоративного института в г. Ровно. К сожалению, он рано умер.

Вадим Парфенов, Юра Шопин и Анатолий Зонов

Девчата

Особую прелесть в нашу жизнь вносило присутствие девчат-киевлянок. Кажется, только Кучеренки приехали женатыми. Их так и звали: «Стэпан та Свэта». Здесь создали семьи Лида и Юра Шопины, Юля и Анатолий Зоновы, Галя и Павел Голубевы, Лида и Юра Степаненко... Но, это, конечно, попозже, а первое время была веселая и душещипательная пора встреч, сердечных страданий и радостей. А как песни распевали русские и украинские, современные и старинные!

Уже после первых отпусков вернулись многие механизаторы с женами. Стало веселее смотреться вокруг. Женщины появились в конторе, магазинах, детсаде. Работали речницами, уборщицами, лишь бы только не сидеть дома.

Через три года в нашем отряде пришлось организовать школу. Вместе занимались сразу ученики всех начальных классов.

Я чуть было не женился на их юной «училке» Люде, но не успел уговорить. Строительная судьба забросила меня на другой объект, а Люда уехала к родне аж в Мурманск. А тогда увлекся, ухаживал, как мог. Например, храбро взялся за ремонт её лампового радиоприемника, хотя раньше понятия не имел о сем предмете. Разобрал, почистил, что-то паял с помощью спичечных головок. Удивил всех и больше всех удивился сам, но приемник заговорил!

Сейчас смеются: «В Советском Союзе секса не было!». Обо всем Союзе судить не берусь, но в наших условиях его действительно не было в современном вольном городском понимании. Конечно, были и мужики, охочие до любой юбки, с их рассказами о великих подвигах по этой части. Были и девушки не очень строгого поведения.

По этому поводу вспоминается такой курьёз. Как-то прихватила меня жестокая ангина: температура подскочила к 40°, всё плывет перед глазами. Пришлось ехать к медикам на базу в Ничку. А обратно возвращаться нет никаких сил. Вадька тогда работал в конторе на Ничке. Он взялся устроить меня на ночь. Притащил меня в какую-то юрту, уложил в кровать. И я совершенно отключился. Очнулся ночью, не могу понять, где я. Обстановка совершенно не знакомая, а под боком у меня примостилась какая-то девица практически нагишом. Я сознавал, конечно, как следует вести себя мужику в такой ситуации, но, увы, сил не было никаких. Так и отвалил в полной прострации. Оказалось, что Вадька привел меня в юрту, где жила его Лена с напарницей. Лена ушла ночевать к Вадьке, а меня оставила на «попечение» своей подруги. Потом, конечно, не раз жалел об упущенной возможности, но, увы, «поезд ушел».

Но надо понимать вот что: на такой стройке не было случайных людей и просто праздношатающихся. Туда проблема еще добраться, без нужды никто не сунется. Это не город, где дело только в выборе. В небольшом отряде нет никого лишнего. Всячески поддерживали тех, кто привозил жен, отводили отдельную юрту. Не думаю, что строго изучали, есть ли брачные записи в паспортах. Такой ас, как Петсон, мог себе позволить привезти «сезонную» жену, на которой впоследствии, кажется, и женился. То же произошло с Долговым.

О себе могу сказать, что излишней сексуальной озабоченностью не страдал, наверное, порода такая. В нашем роду нередки очень поздние браки.

А об одном таком «озабоченном» нашем электрике красавце-сердцедеде Алексее были у нас в ходу куплеты:

В Керки поехал Лёша,
На танцах он бывал
И взгляд он мимолётной
Красавицы поймал.
И кое-что ещё,
Что говорить не надо,
И кое-что ещё,
Что говорить нельзя!

Паша Голубев

Я уже упоминал, что на строительстве гидроузла на 105 километре с самого начала работал наш с Вадимом институтский однокашник Павел Голубев. Он всегда был симпатичен мне: высокий, тощий, ширококостный, отличный спортсмен – бегун и шахматист. В скуластом лице его есть что-то бурятское, но большущие круглые темные глаза оказались явно не по азиатской породе. Прекрасно учился, всё схватывал на лету. Он быстро стал отличным специалистом по возведению гидротехнических сооружений, потом строил узел номер два. Он так и пошел по этой линии: работал на строительстве Нурекской ГЭС, Копчагайской ГЭС, возглавлял технический отдел гигантской Рагунской ГЭС. Он женился раньше нас с Вадимом еще на 105 километре, но жену его Галю я знал мало. Паша никогда не берег себя и в расцвете сил скоропостижно умер во время командировки в Москве. Очень жаль.

«Прорабыня» Тоня

Хочется вспомнить добрым словом нашу первую «прорабыню» Тоню Новикову. В отличие от остальных девчат, работавших в конторе, она работала в отряде мастером и прорабом. Каково ей доставалось, знаем только мы, побегавшие в той же шкуре. Тоня была постарше нас. Она никогда не распространялась на эту тему, но у меня сложилось впечатление, что во время оккупации Украины на её долю выпало много лиха. Тоня человек очень доброжелательный, нас, молодых мальчишек опекала немного по-матерински. Несмотря на суровые испытания в жизни и умение твердо поставить себя среди мужиков, Тоня была среди нас самой романтической и даже возвышенной натурой. Она писала стихи, прекрасно пела украинские песни, когда не мешало ей вечно простуженное горло. Проработала она недолго, года два. Что-то не поладила с начальством, уехала. Какое-то время мы переписывались. Она работала на строительстве нескольких ГЭС, в восьмидесятых годах – на Саяно-Шушенской. У неё семья, две дочери.

Наш гимн

Была у нас «Каракумовская» песня на мотив «Цинандали». В авторстве можно смело подозревать Тоню Новикову и Вадима. Нам нравилось как правдиво, весело и бесхитростно описано наше житьё-бытьё:

Каракум похож на Сочи, нани-на, нани-на,
Солнце греет, даже очень, нани-на, нани-на.
Под окном поют верблюды, нани, нани-на,
Наше «кодло» всюду будет, дели-ва, ди-ла!
Мы построим орошенья, нани-на, нани-на,
Всесоюзного значенья, нани-на, нани-на,
Будем мы лауреаты, нани, нани-на,
Загребать деньгу лопатой, дели-ва, ди-ла!
Вот пришли мы в Каракумы, нани-на, нани-на,

Всё мрачнее наши думы, нани-на, нани-на,
Бродим мы по злой пустыне, нани, нани-на,
Где же персики и дыни, дели-ва, ди-ла?
Днем жара, а ночь приходит, нани-на, нани-на,
Нас от холода коробит, нани-на, нани-на,
Шли, Европа, одеяла, нани, нани-на,
По два шли, одно нам мало, дели-ва, ди-ла!
Всё правильно. Лауреатами не стали, но наградами не обделили. Но это – позже.

Новое поколение

Под конец рассказа о каракумцах-первопроходцах вот что вспоминается. Моё поколение, кому в 41 году было 10—13 лет, за годы войны отвыкло видеть вокруг себя гражданских мужчин призывного возраста. И только в пятидесятых годах стали появляться тридцатилетние молодые специалисты, ведь надо было еще три-пять лет отучиться в техникуме или ВУЗе. Было как-то внове и необычно видеть таких людей вообще, и без погон, особенно.

Помню чувство восхищения и даже зависти, когда появился у нас такой молодой начальник отряда гидромеханизаторов Одокиенко. Ладный, подтянутый, энергичный, грамотный, авторитетный. Красивый, наконец – все хвалебные эпитеты были ему к лицу. Да еще на вопрос «Как вы сюда попали?», он спокойно ответил: «Кончили работы на Волго-Доне, перевели сюда». Вот это да! Тогда казалось непостижимым говорить о завершении хотя бы Пионерного канала.

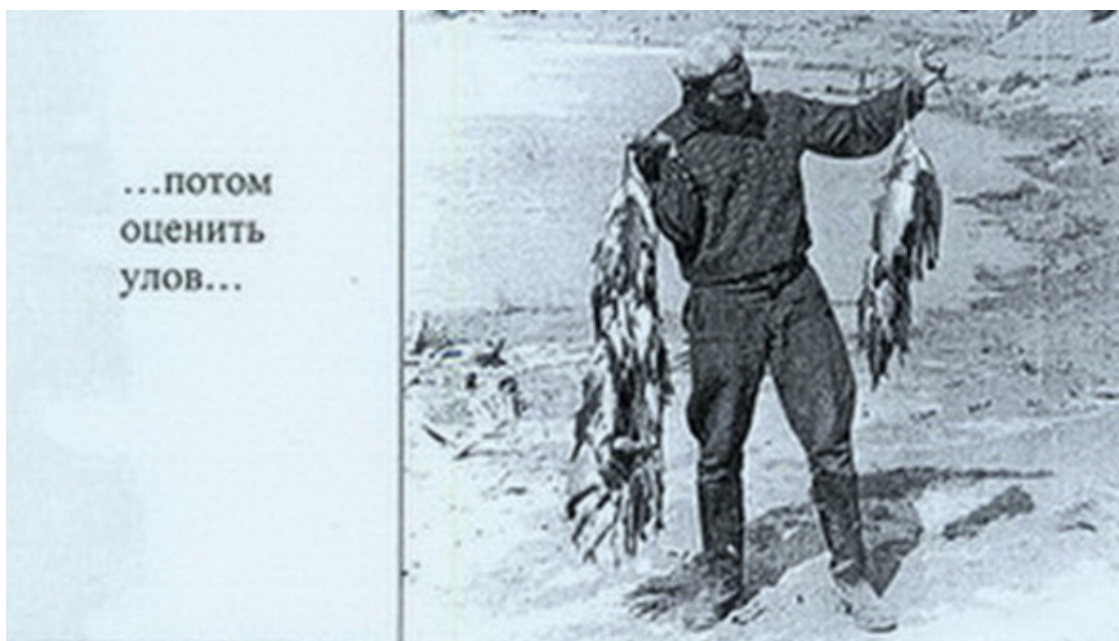
Курбаша

Три года на «земле» мастером со мной работал Курбан Байрамов. Наши женщины ласково звали его Курбаша. Тихий добрейший луноликий Курбаша работал безотказно, сколько и когда требовалось. Прекрасно освоил нивелир, носился с рейкой, когда надо было. Сколько было хохота от его очень к месту вставленных комментариев по разному поводу. А у него только щелки глаз блестят на круглом лице!

Через тридцать лет встретились мы на паводке реки Теджен в поселке Кировск и сразу узнали друг друга. Он работал начальником гидромелиоративного участка, остался таким же трудягой и бесребреником. Мы славно вспомнили былое.

Сначала
рыбку
надо
поймать,
хотя бы
просто
руками...

...ПОТОМ
ОЦЕНИТЬ
УЛОВ...

Ведро – вполне
подходящая
посуда для
ухи.

Готово, что ли?

Эх, хороша уха тройная!

Паша Голубев (в центре) и Больши Тойлиев (справа).

Горец в песках

В 1955 году Н. А. Беляева заменил Константин Евгеньевич Церетели, впоследствии знаменитый человек на Каракумском Канале. О нем немало написано, даже снят фильм, я же могу добавить только личные впечатления. Внешне К. Е. был очень колоритен: характерное горбоносое грузинское лицо, голубые глаза, седая шевелюра. Никогда мы не видели его растерянным или выведенным из терпения. Так и звучит в ушах его «генацвале!». По утрам он насухо брился безопасной бритвой, напевая неизменную «Сулико» и разгуливая при этом по своей юрте. Его отличал живой, изобретательский склад ума. Он умел чувствовать высокий смысл в будничных делах, всегда жил завтрашним днем и неустанно вкладывал это в наши молодые головы. Именно К. Е. Церетели сумел в случайных размывах русла разглядеть и провозгласить мощный способ ускорения проходки Канала. Среди рабочих он пользовался непререкаемым авторитетом, заработанным отнюдь не начальственными окриками.

На моих глазах произошел такой случай. Как-то в праздничный день идет мимо К.Е. крепко подвыпивший работяга. В руке – бутылка вина. «Ай-я-яй, генацвале, как не хорошо! Ты такой замечательный бульдозерист, у меня о тебе было прекрасное мнение. А ты, на тебе! Вот видишь, я не пью, а мне очень хорошо и весело на празднике! Надо себя уважать: брось эту поганую бутылку!». Никто этого всерьёз не принял, а расчувствовавшийся мужик внял увещаниям и... хлоп драгоценную бутылку об землю! «Вай, какой молодец, генацвале! Сразу видно крепкий характер!». Тут только под всеобщий хохот этот чудик схватился за голову: «Что я наделал!», но было уже поздно, слово Церетели сделало своё дело!

Конечно, это просто весёлый курьёз, но К.Е. и в серьёзных делах умел заечь своим словом всех окружающих, убедить их и вести за собой в главном: как можно быстрее провести воду через Каракумы. До конца своих дней отдавал Константин Евгеньевич Церетели все свои силы строительству Каракумского Канала.

Будничные стрессы

А Канал всё шел и шел вглубь Каракумов, и следом шла вода. Настал день, когда вода пришла на участок, сооруженный нашим отрядом, где-то в районе сто тридцатого километра трассы. (К2). Я с несколькими механизмами вернулся сопровождать воду, дежурить на всякий случай. Кроме того, я знал небольшой участок на правом берегу, где почти не было насыпи. Надо было заделать эту «дырку».

Подожли днем, начали отсыпать на этом месте дамбу тремя скреперами. Вечером пришла вода, и русло стало наполняться. И тут сработал закон подлости: поломалась одна машина. Канал быстро наполняется. Я прикинул отметку воды при полном наполнении, поставил вешку для ориентира и опять бегая около скреперов, дирижирую их движением по узенькой дамбочке.

Стемнело. Заглянул на метку: горизонт подбирается к вешке. Я повтыкал в откос несколько спичек из расчета, что вода остановится где-то посередине. Вижу, что дамба моя еще не превысила этих отметок.

Меня охватила настоящая трясучка: я вообразил, что будет, если произойдет прорыв вправо. Вода по крутому уклону уйдет в озеро Соленое, опорожнится канал, сработается емкость озера Час-Как. На год сорвется пуск Канала!

Что можно в этом случае пересыпать канал, мне и в голову не пришло. Опять бегу на свой «гидропост», чиркаю впотьмах спичками, не могу найти своих заметок. Потом разобрался: мама родная, да их же затопило уже!

Школьники на экскурсии «К первой воде!»

Понаставил новых отметок, и к скреперам!

А тут, как назло, на одном скрепере трос порвался, ковш не поднимается, тащится брюхом по узенькой дамбочке, наконец, сполз с неё в сторону воды. Трактор на подъем тащить не осиливает и второму путь загородил! Ну, всё, не удержать мне воду! Тем временем ребята отцепили трактор, перегнали его вокруг скрепера, зацепили сзади и с большим трудом вытащили назад волоком. Ну, хоть скрепер спасли!

Горизонт неумолимо растет, помощи ждать неоткуда. Стали поднимать дамбу шириной в один след скрепера. Он едва помещается на гребне. Темнота, только фары на тракторе. При каждой ходке я бегу впереди, подаю сигналы: правее, левее. А горизонт всё растёт сверх всяких предположений. Меня бесит, что не понимаю, что происходит. От безвыходности положения давит страх. Но работаем, как одержимые. К рассвету уровень воды стабилизировался, стало ясно: прорыва не допустили!

Ура-а-а! Я готов был расцеловать того парня, который после рабочего дня отпахал на скрепере всю ночь напролет, да еще в таком напряжении.

Вдруг замечаю, что горизонт воды стал садиться! Неужели прорвало в другом месте и все наши труды насмарку? Уже совсем рассвело, и я помчался посмотреть, до концевой перемычки было всего километра два. Но никакого прорыва не обнаружил. Да и падение горизонта прекратилось. И тут только до меня дошло, что это была тупиковая обратная волна от концевой перемычки! А теперь под солнцем сверкала спокойная гладь ленты воды и только в конце её укрывала грязная пена. Какое блаженство! В полном изнеможении я завалился спать.

Вода – могучий землекоп

Надо сказать, что страхи мои были не беспочвенными. Уже в следующем году произошел-таки прорыв на 210-м километре.

Это был стык участков первого и второго отрядов. Здесь, как на стыке воинских частей на фронте, и оказалось слабое место. Со своего дальнего участка я попал на прорыв уже тогда, когда со всей трассы туда согнали бульдозеры для перекрытия. Вот когда воочию стала видна техническая мощь, сосредоточенная на канале! Десятки бульдозеров днем и ночью ревели бок о бок. Особенно впечатляла работа ночью, забой сверкал десятками двигающихся огней. Это был один из первых случаев коллективной работы бульдозеров. Очевидно, что и этот опыт не прошел даром.

Нет худа без добра. Вода, устремившаяся в прорыв, сильно размывала русло канала, особенно вверх по течению. Мы уже давно заметили, что можно заставить воду поработать с пользой для нашего дела.

При заполнении локальных понижений размывало русло канала. А что, если в таких местах заранее не делать полное сечение «пионерки», а оставить недобор для последующего размыва? Попробовали несколько раз, – неплохо получилось. И на входе в Средние озера оставили уже недобор на нескольких километрах. На самом входе в Средние озера вдоль оси канала пробили глубокую траншею шириной в один след бульдозера. Потом по дну этого искусственного каньона мы еще «тянули» воду за собой вручную лопатами.

Гоним воду врукопашную. С лопатами: на переднем плане – Курбан, я, в глубине – Саша Романов.

К впадине будущих Средних озёр подошел слабенький ручеек в бороздке шириною в штык лопаты.

Тот же участок после размыв. С нивелиром на плечах вброд через русло.

А через несколько дней наши замеры показали, что на этом месте канал размыло много больше первой очереди. Сохранились фотографии этого места при подходе воды и после. (См. фото)

Первый год

Осень 1955 года. Оглядываясь назад, вижу: это был самый трудный год на трассе. Он ушел на поиски форм организации дела. Сложился оптимальный порядок жизни и работы. Наладилось снабжение и быт, утряслись коллективы в отрядах, мастерских, на транспорте. Все хорошо познакомились друг с другом, стало ясно, кто чего стоит. Набрали авторитет начальники. Схлынула первоначальная блатная и загульная пена. Уже невозможны стали такие пьяные «подвиги», как раньше. Например, как-то в Карамет-Ниязе в праздники, наверное, на Май, в общежитие пацанов-ремесленников ворвались два пьяных молодца, два здоровенных брата-кузнеца, и стали наводить там порядок своими кулачищами.

Мы, прорабы, были за стеной, тоже праздновали. Кинулись к пацанам на выручку. На нас нуль внимания. Богатырь Юра Шопин зажал одного братца, а я вцепился в другого, боюсь отпустить. Так он изловчился и зубами вцепился мне в нос! Хорошо, сбежались мужики, разняли, уняли. Долго потом красовался я с этой «боевой раной», благо, в песках нет посторонних глаз.

В другой раз какой-то пьяный с ружьем ворвался в комнату прорабов. Я с испугу вырвал у него ружьё, думал, не заряжено. Оказалось заряженное-таки. Этот дурак так хотел решить свои сердечные дела.

Никакие запреты на ввоз спиртного не помогали, везли подпольно. Нашлись бабы-умелицы, которые в молочных бидонах заквашивали сногшибательную брагу. Под горячую руку при нехватке «продукта» разбавляли остаток водой, сырой, конечно.

Потом все потребители этого пойла, как меченые, не вылезали из сортиров.

Как последняя отрыжка нравов первого года вспоминается такая сценка. Наш прорабский вагончик на трассе. Направо от входа вдоль стены стол с радиостанцией, дальше к нему

впритык моя койка. Я низко сижу на ней, а за столом на табурете выше меня громоздится недавно принятый даргинец, детина в майке с короткой шеей борца. Шея без изгибов как столб переходит в могучие плечи. Майка в обтяжку не скрывает блатняцких наколок. В руке у него ось тракторного катка. Это железяка диаметром сантиметра четыре и длиной сантиметров под тридцать. В такт своим словам он как палочкой постукивает ей по низкой спинке кровати, разделяющей нас. Он не доволен закрытым нарядом и нагло угрожает, демонстрируя свою силу. Железяка мельтешит у меня перед носом, я как загипнотизированный не могу оторвать от неё глаз, а внутри все заледенело от страха. Подробностей разговора я не помню, но думаю, что сохранить видимость хладнокровия стоило мне появления первых седых волос. Одно знаю твердо: он не ударил, но и я не отступил. Больше его не помню, значит, не понравилось, смылся. Таких «работяг» первое время было немало.

Повторяю: вольница эта потихоньку иссякла. Блатным и алкоголикам под летним каракумским солнцем совсем не климат. Большинство людей стали жить в отрядах, где до зланных мест далеко, а начальник – вот он. А такой начальник, как, например, Саша Долгов, порядок умел поддерживать.

Но, первый год, пока все утряслось, достался очень не легко. Ко всему, зимой я подцепил желтуху. В песках местами водится эта зараза. Я старался успеть закрыть очередные наряды за месяц. Когда добрался до больницы в Керки, получил от врача настоящую взбучку: «Чабаны из песков обращаются в более ранней стадии». Провалялся недели три, и отпустили меня только перед Новым годом с инструкцией: ни жирного, ни спиртного.

Добрался в отряд, и пришлось сразу выехать на новый участок за тридцать километров вперед в район Средних Озер. Там уже был первый десант: мастер, два механизатора с бульдозером и юртой на санях в прицепе. Они уже не первый день здесь, начали забой. Автолавки сюда еще дорогу не освоили, но мне обещали, что пришлют. Ребята доедали барашка, купленного у чабанов при случае. Практически, остались только куски белого перетопленного курдючного сала

И вот через пару дней такая ситуация: из продуктов остался только тот жир. Наступает Новый год. Ясно, никакая автолавка в эти дни к нам уже не приедет. И летучку свою я сразу отпустил.

Пришлось «поголодать» на сале, а Новый год, конечно, нашлось, чем отметить. Вот и соблюдай тут запреты медиков! Однако выжил.

Немного о «политике»

*Не могут внешние умы
Вообразить живьем.
Ту смесь курорта и тюрьмы,
В которой мы живем.*
И. Губерман

Мне говорят: невозможно рассказывать о том времени и умолчать о тогдашних политических потрясениях. Признаться, это совсем не входило в мои планы. Я хотел рассказать о том, что видел и пережил только я, о чем никто другой не расскажет. А что нового могу сказать я о советской власти вдобавок ко всему уже сказанному без меня? Но, надо, так надо. Попробую.

О культе

Наш передвижной поселок стоял глубоко в песках в районе 200-го километра трассы, когда в феврале 1956 года пришла весть о разоблачении культа Сталина. Информация могла быть только официальная: газеты, радио. Никаких закрытых писем я не видел, я не был чле-

ном партии. И тем более, никакого самиздата. И бурных дискуссий не помню: вокруг очень мало народа, перебазировка только началась. Да и о чем дебатировать? Действительно, культ Сталина уже в мои студенческие годы набил оскомину и, что самое страшное для любого культа, зачастую уже воспринимался с юмором: всем дыркам затычка, всем стенкам украшение. О репрессиях же поначалу говорилось глухо и мало.

И, тем не менее, это было потрясение: во что верить? В тот вечер я выскочил из юрты и долго бродил в темноте и холоде, пережевывая услышанное. Не скрою, радости не было. Была тревога, досада и недоумение: рушился прекраснодушный мир моих понятий.

Моя родословная

Мой отец – одессит, из семьи скромного еврея-белошвея. Отец – убежденный коммунист, член партии с 1920 года, а еще до революции арестовывался полицией за участие в нелегальных сходках. Очень сожалел, что ещё тогда не оформился в партию. Образование – четыре класса хедера при синагоге, но всю жизнь много читал. Десять лет в 1911—1921 годах служил писарем в армии, сначала в царской, затем в Красной. С 1914 по 1918 был на фронте. Потом был и профсоюзным деятелем, и управлял леспромхозом в Сибири, работал в системе промкооперации.

Три его брата в тринадцать лет уходили из дома, рвались из «черты оседлости», активно делали революцию, прошли каждый своё: подполье, аресты, эмиграция.

Старший (Николай) годами был на нелегальном положении, менял фамилии, много раз сидел. После революции стал известным журналистом.

Средний (Моисей), ювелир, устраивал в своей киевской квартире сходки социал-демократов, был под наблюдением полиции. Будущая красавица-жена поставила условие: или я или революция. И они эмигрировали в Париж.

Третий (Насеналь-Александр) был на нелегальном положении в Киеве. Со скоротечной чахоткой попал в больницу. Здесь его и накрыли жандармы, взяли под охрану в палате, сами тайно и похоронили, когда он умер. Отец взял его имя.

А самый младший (Абрам), бывший советский подводник, имея белый билет после аварии на подводной лодке, добровольцем ушел на фронт и погиб под Пулковом.

Надо ли говорить после этого о моих политических понятиях. Оглядываясь на предков, я всегда считал, что еще не достоин быть коммунистом.

Мама, на моей памяти, еще до войны работала врачом в колонии.

Казалось бы, четкая сторона баррикады.

Это с одной стороны. А с другой...

О среднем брате отца в семье ни слова: ведь это «родственник за границей». Связей никаких.

Со старшим и того хуже: «враг народа», сидел с 1937 года по 1956.

Мама врач, врач санитарный, а работала терапевтом в госпиталях в Сиблаге и Ростове. К слову, она и во время войны была завотделением в эвакогоспитале. И неплохо работала. Сейчас по документам я увидел: она окончила Новосибирский мединститут в июле 1935 года, а на дипломе от руки приписано: выдано в августе 1937. Только через два года! А пока, работай, куда пошлют. Послали в госпиталь Сиблага. Попробуй, откажись! Потребовалось год времени и два переезда в Ростов-на-Дону и Краснодар, чтобы вырваться из этой системы.

Я немало думал об этом и вот что понял.

Во-первых, работала она там не по своей воле.

Во-вторых, читая тех же Солженицына и, особенно, Шмелева, становится ясно: врач в этой системе был едва ли ни единственным светом в окошке для заключенного. В-третьих, в очень редких её рассказах о той поре я помню в адрес заключенных всегда тон сочувствия, и даже восхищения их умом, талантами, знаниями. Уж точно – не осуждение. Наконец, мама не раз брала меня с собой в

Мои родители Ида Яковлевна и Александр Ефимович Верные

колонию под Ростовом у Россельмаша. Я играл там со сверстником, сыном кого-то из заключенных. Торчал в сапожной мастерской, мне было очень интересно. Вряд ли она решилась бы на такое, если бы там была атмосфера враждебности к ней. Наоборот, много лет у нас в семье были подарки маме тех лет: красочные фигурки нищих старика и старухи, вылепленные из хлебного мякиша и вышивка на подушечке: на черном бархате ярко желтый паук в паутине.

Нет, ни мне, ни моим детям, ни внукам не должно быть стыдно за моих родителей.

Пятый параграф

Я рос в русской среде. Томск, Новосибирск, Ростов, Краснодар, Южно-Сахалинск, Ленинград. В семье – ни еврейских обычаев, ни языка, «идиш» звучал только в случае секретов от меня. Все друзья – русские. И паспорт получил с §5 – «русский». Кончил школу на Сахалине, поступил в Ленинградский Политехнический институт. Был нормальным комсомольцем, два срока отработал в стройотряде. Учился неплохо, бывало, получал повышенную стипендию.

Но... Уже на четвертом курсе в 1953 году шел я из института в общежитие. Мой путь лежал мимо разезда Кушелевка через парк Лесной академии. Где-то в безлюдном месте увидел на стенде газету: «Врачи-убийцы». И сплошь еврейские фамилии. Меня как ошпарило! На следующий день отнес в милицию заявление: «Прошу исправить §5». Там очень сильно удивились, даже пытались отговорить. Я настоял.

Аукнулось при распределении. Из потока в 50 человек 20 должны были остаться в Ленгипроводхозе, где я писал диплом. По баллам я с запасом входил в первую десятку. С родственниками планировал жизнь и работу в Ленинграде. Мне предложили Прибалтику. Я отказался, встал и ушел с комиссии. Потом мне вручили распределение в Карелию, последнее, что осталось после всех.

В многолюдной общаге, празднующей выпуск, я не знал куда деться. Уткнулся в ночное окно, молча трясся в истерике и боялся отойти, чтобы не встретить сочувствующих взглядов ребят.

Тогда я надумал ехать в Москву, проситься на Сахалин. Вадьку и агитировать не надо было. Паша решил двигаться с нами. В результате мы втроем оказались на Каракумском канале.

Казалось бы, вполне достаточно, чтобы люто возненавидеть советскую власть. Нет, не могу этим похвастаться.

О жертвах репрессий

Работали на Канале многие амнистированные. Ведь это и были жертвы репрессий. Ну, и кто это? Они особенно не откровенничали, были разные, но запомнились настоящие подонки: воры, бывшие полицейские, уголовники. Вспомнить того же Веревкина с компанией. Был некто Нагиев. Иначе как «фашист» мы его не звали: человек с лютой ненавистью ко всем и вся, обожавший только себя.

Нет, симпатии эти «жертвы» у меня не вызывали. Откуда нам было знать в то время, что по сталинской амнистии выпускали в первую очередь именно уголовников. Да и последующие амнистированные, действительно политические жертвы, возвращались в столицы, города, а не ехали на стройку в пустыню. Некому было поведать нам из первых рук о несправедливостях репрессий.

Вообще, у меня сложилось такое впечатление, что ужасы сталинских репрессий по-разному ощущались в столицах и в провинции. Может быть, именно поэтому и сейчас два-три десятка миллионов человек, в основном из провинции, голосуют за коммунистов в нищей России?

Чуть полемики

Строительство ККК в те годы имело немалое политическое звучание.

Но первые полтора – два года на Канале условия жизни и работы были такими, что глубоко в душе я не верил, что доживу хотя бы до своего тридцатилетия. Наши высокие начальники (те же Калижнюк, Янов) имели опыт строительства силами заключенных и не очень сентиментальничали и здесь. Условия фронтовые или лагерные, только не стреляют.

А с какой стати? Нет, такой вопрос у нас не возникал.

Отнести это на счет системы в голове не укладывалось. Глубоко укоренилось понимание, что бесконечные трудности всегда временные. И всегда был кто-то или что-то тому причиной. То на нас напали со всех сторон, а белые – изнутри, то, затянув ремни, поднимали индустрию, то троцкисты вредили. Только что прошла страшная война. Теперь вот строим в таких условиях потому, что надо страну восстанавливать да еще танки и ракеты делать. Всегда: «еще немного, еще чуть-чуть».

На Канал я приехал комсомольцем, сразу «двинули» меня депутатом в Керкинский Совет от Карамет-Нияза. Но я не жаждал такой деятельности, так ни разу и не выбрался на сессии Совета. Потом по возрасту выбыл из комсомола. С головой зарылся в работу. После институтской обиды в партию не тянуло, хотя, с другой стороны, искренне считал себя пока не достойным быть партийцем в моем понимании.

А встречал ли я таких? Да!

Сейчас очень расхожи штампы: «коммуняки», номенклатурные большевики, карьеристы, шагающие по чужим головам, жадюги, все подгребающие под себя, доносчики. Это кто? Все девятнадцать миллионов членов партии? Но это же ложь! Я встречал немало коммунистов кристально честных, самоотверженных, скромных, бескорыстных. Могу назвать немало имен, о ком рассказал и еще, возможно, расскажу.

Это механик Файнберг, гидростроитель Савченков, проектировщики Лавроненко и Дмитриенко, это начальник Подземвод инвалид войны Никифоров, это болезненно честный снабженец Ксенофонов, это безотказный слесарь Широков... Да мало ли кто еще?

Думаю, порочна не коммунистическая идея справедливости, а порочна власть над людьми и жадность человеческая. Что, современные «демократы» и толстосумы порядочнее коммунистов? Что, девиз «больше успеха, больше денег» благороднее бескорыстия? Что, Она-сис, имея в собственности целый флот, остров и жену красавицу-президентшу, был самым счастливым на Земле? Может быть Березовский действительно умнее и трудолюбивее меня во столько раз, во сколько он богаче (даже не касаясь путей обогащения)?

Конечно, все бесконечно сложнее, очень многое лежит за пределами моего жизненного опыта, поэтому и не хотел я касаться «политики». Но каждый из нас имеет своё понимание жизни, у меня оно такое, а я хочу здесь на этих страницах быть честным.

И, чтобы покончить с этой темой, скажу, что еще через полтора десятка лет я стал-таки членом партии. К тому времени очень потускнели мои романтические понятия, много было видно и пережито. После Канала восемь лет проработал я главным инженером в управлении Подземвод в Ашхабаде. Мне сказали: есть для тебя работа очень интересная, масштабная и творческая. Главным инженером республиканского водохозяйственного треста. Но эта должность только для членов партии. И я вступил в партию. Без аппетита и радости, но и не против своих убеждений. И проработал в тресте двадцать четыре года до пенсии.

А настоящее разочарование в советских порядках пришло где-то в конце семидесятых годов. Хозяйственная бестолковость, творимая на моих глазах и в чем-то моими же руками, перевесила все социальные блага (бесплатное жильё, лечение, учение, доступный отдых). До меня «дошло», что все эти блага из рук власти есть крепкий поводок, на котором нас держат и не отпускают. Зато зарплата втиснута в нормы очень далекие от истинной цены труда. Поэтому мало желающих «выкладываться», работают «спустя рукава». Отсюда низкая эффективность всего хозяйства.

Оказалось, что светлые идеалы – это одно, а сложившаяся жизнь – совсем иное.

Полевое житье-бытьё

Но вернемся в Каракумы.

За 1955 год четко сложилась технология работ. Три отряда шли чехардой участками около десяти километров. Вслед по готовой пионерке запускали воду, а сверху от Головного по воде двигались землесосы, уширяя канал до сечения Первой очереди.

В отрядах наладился свой быт: холостяки жили по четыре человека вместе, семейные – в отдельных домиках. Фанерные домики четыре на шесть метров были обтянуты прошивными ватными матами из мешковины и брезентом, очевидно, поэтому их называли «юртами». Вообще-то сооружения эти не такие уж примитивные, как может показаться с первого взгляда. Во-первых, благодаря своей многослойной обшивке, они неплохо защищали от зноя, холода, дождя и ветра. Во-вторых, в стенах у пола были устроены «форточки»: отодвигались заслонки, снаружи отстегивался клапан в обшивке. Летом получалась неплохая прохладная вентиляция. В-третьих, входная дверь имела снаружи довольно вместительный тамбур: можно сложить разное барахло, и от непогоды отгораживает. Наконец, легкая юрта прекрасно крепилась к бревенчатым саням и свободно транспортировалась бульдозером волоком по бездорожью.

Первый объект на новом месте – дощатые туалеты типа «сортир». Затем оборудовалось помещение для ДЭС и душа, кухня со столовой, магазин, красный уголок, медпункт, склад и мастерская с неременной кузницей и прорабка с радиоузлом. Чуть в стороне – несколько ёмкостей под воду, дизтопливо и масла. Вот и готов поселок.

И снова подчеркну: никаких замков ни на юртах, ни на чемоданах. Да и куда денешься из такого поселка.

Питались все в столовой, «кухон» содержали вскладчину. За овощами и мясом посылали машину в Керки, автолавки завозили в магазин крупы, консервы и сладкое. Долгов всегда подбирал поваров-мужчин, и всегда все были довольны: питались добротной и не дорогой.

В зимы 54—55 и 55—56 годов уже глубоко в песках зачастую обходились без привозного мяса: кругом ходили непуганные стада джейранов. На зиму они спускались с Копет-Дага на равнину. Сейчас даже неловко вспоминать об этом, но тогда это считалось в порядке вещей. Раза два и я съездил на охоту, но на большее меня не хватило: отдал ребятам своё ружьё, лишь бы не видеть этих джейраньих глаз.

Телевизоров тогда не было, да и транзисторов не помню, но ламповыми приёмниками пользовались, и радиоузел вещал на весь поселок. В красном уголке – книги, газеты, журналы, проигрыватель для желающих. Я получал подписные «Комсомолку», «Литературную газету» еще в два листа, журнал «Наука и жизнь».

Помню, пластинку с новым кумиром Раджем Капуром заездили до хрипоты. День и ночь из прорабки несло «А-а-ба-ра-я-а-а!». Больше всех страдал наш сосед по жилью механик того времени Мироныч – тощий угрюмый дядя с вечно кислой физиономией. Теперь я его хорошо понимаю и сочувствую. Прости, Мироныч!

*е Я – в центре «руки в брюки», точнее в галиф
Мастер Надя доверила «училке» Люде Ерушовой
поддержаться за инструмент. Рядом – ученики Люды*

Устраивали иногда веселые розыгрыши, порой довольно небезобидные. Жили вместе в одной юрте двое: молодая мастер Надя и женщина, намного её старше. Не помню, чем она занималась, но нам доподлинно было известно, что у неё всегда водится записка спиртного. Но как до него добраться? Решились на такой розыгрыш: будем сватать Надю. Снарядились, как положено: полотенце через плечо, «У вас товар, у нас купец». Бедная Надя, девушка крупная и очень простодушная, поначалу приняла всё всерьёз. Мы уж и сами не рады были. Выручила её многоопытная соседка, кое-как свели всё к шутке.

Но стол нам все-таки накрыли!

Как мы собаку ели

Как-то заехали мы к соседям в отряд Лисова. В прорабской юрте дух стоит аппетитнейший, на столе поднос с горкой котлет. «Садитесь, угощайтесь!». – «Кто бы отказывался, только не мы». Попробовали: вкусно. Только что-то ребята больно веселятся. Наконец, признались: «Вы ели собаку!» Тут только вспомнилось: на крыше юрты краем глаза заметил какую-то лохматую шкуру. Напарники мои пулей вылетели из юрты. А я ничего, пережил. Оказывается, Лёха Лисов давно маялся с легкими, вот кто-то и подсказал рецепт.

Так жилина трассе.

Обручевск степь

Наше место работы – воистину лоно природы. Южные Каракумы, где прокладывался Канал, (К2) – это, безусловно, пустыня в смысле человеческого обитания, но это, конечно же, не голые пески. Да и называются эти места «Обручевская степь». Эта резко пересеченная холмистая местность действительно сложена из песков, но эти пески большей частью закреплены травяной растительностью и кустами. А за Ничкой (это 174 километр трассы) попадались даже

Если хорошеёк присмотреться, то у пояса можно рассмотреть трофей.

саксаульники, можно сказать, леса. В районе Средних озер мы были удивлены длинными штабелями из саксаула, заготовленного в зоне затопления. Его сложили на высоких буграх. А кругом, кроме редких чабанов, ни живой души на много-много километров. Говорили, что потом по воде саксаул отправят к железной дороге, а затем на Урал: оказывается, только на саксауле выплавляются какие-то очень ценные сорта стали. Сначала весь кустарник казался на одно лицо. Потом стали различать. Это – саксаул с витым корявым стволом и мясистыми иголками вместо листьев. Хрупкий саксаул не рубят, а ломают: стволом смаху по поперечному

упору, и собирай куски. У воды, даже очень соленой, – заросли гребенчука. Весной они осыпаны фиолетовым цветом и окутаны облачком желтой пахучей пылицы. Жарким летом ветки гребенчука припудрены выступившей солью. В песках всюду кустики кандыма, внешне похожего на саксаул, но более гибкого. Даже немного кандыма в костре – и чудо, что за запах! И всюду в песках сено на корню: высохшая маленькая невзрачная травка иллек. Это рекордсмен по содержанию белка. Иллеком кормятся тысячные отары баранов. Ни с чем не сравнимо по вкусу и запаху мясо степного барашка!

Весна в песках

Еще весной 1955 года мы, приезжие, были потрясены картиной весеннего цветения в пустыне. Всё покрыл зеленый ковер травы, появилось великое множество разных цветов. В низинках, где накапливалась влага, цветы и трава стояли по колено и выше. Пovýлезли черепахи, кругом шмыгают ящерицы.

Появились, правда, и змеи и довольно серьёзные: кобра, эфа, гюрза. Но я не знаю ни одного случая укуса кого-то из наших. Мы очень скоро убедились, что змея сама никогда на человека не нападает, всегда бежит от него.

По первой воде

Мирные гады

Кстати, больше всего их попадалось именно в первые теплые весенние дни. Со своей Пионеркой мы пришли в холодное время, когда у них спячка. А как только выползли, то многие попали в глубокую траншею, откуда выбраться не просто – иди, найди выход. Особенно это касалось скреперных участков. Они разрабатывались продольным ходом. Получалась траншея с отвесными стенами и редкими выездами. Вот и создавалось впечатление прямо нашествия. Когда ночи еще были прохладные, змеи частенько забирались в стоящие трактора на тепло машины. То и дело, когда заводили трактора, раздавался чей-нибудь вопль, а потом шум и хохот: оказывается, змея мирно пригрелась на воздухоочистителе в кабине и проявила неудовольствие, что её потревожили.

В песках невольно становишься немного следопытом. Всё прекрасно видно: вот это ящерица пробежала, это – змея. Тут проползла черепаха. А уж след крупного варана ни с чем не спутаешь. Не раз наблюдал я такую картинку. На кучке отбросов, занесенных песком, – несколько перышек. А метрах в полутора-двух обрывается след змеи. Это тупорылая и как бы с обрубленным хвостом эфа «нырнула» в песок и точно вышла на «пасущуюся» птаху.

Между прочим, это у воды много птиц, не говоря о водоплавающих. А глубоко в песках птиц практически нет.

Первое время удивляли какие-то довольно крупные голубые цветы на сухих ветвях черкеза, пока не разобрались, что это греются (или проветриваются?) ярко окрашенные ящерицы.

Как-то к нам приехал парикмахер, пожилой тощий армянин. Он стриг кого-то прямо «на улице», когда мы пришли из забоя и ради потехи притащили в нивелирном ящике кобру средних размеров. Положили ящик на землю, открыли и стали ждать реакции прохожих. Вдруг подлетел этот старик, схватил змею голыми руками, быстро убежал с ней за поселок и там выпустил её. После этого он сначала хорошенько обругал нас, невзирая на наши командирские должности (конечно, поделом), а потом прочитал целую лекцию. О том, какая это безобидная живность, какая от неё польза природе и человеку, какая, наконец, это красивая и изящная тварь. Мы обалдело слушали его и краснели. Этого урока хватило мне на всю жизнь. При встрече со змеей я и теперь не испытываю теплых чувств, но и не кидаюсь убить её во что бы то ни стало, как раньше.

На полке в красном уголке на стоящих книгах лежала книга. Я взял её, а там – голубые глаза эфы! Удобно свернулась, пригрелась. Меня аж в дрожь бросило, я закричал. И тут же пулей подскочил шустрый пацан-ремесленник. Из-за моего плеча мгновенно схватил змею

«за шиворот» и вынес из юрты. Он оказался из той же породы людей, что и армянин-парикмахер: крохотные зрачки, острый быстрый взгляд, стремительные движения – змеелов.

Жара. Прекрасные пески!

Проходили две-три весенние недели, начиналась жара, всё растущее скоро выгорало, а живое пряталось, и начинал, как часы, от восхода до заката работать «афганец» – горячий южный ветер. Случались и бури, поднимавшие в воздух тучи песка. В нескольких шагах ничего невозможно было разглядеть, все поры забивались песком, песок больно сек открытое тело. Если такое застало вдалеке от дома, лучше укрыться и переждать.

Жара – очень тяжкое испытание. Ведь бывает в тени за 40 градусов, а приходится и на солнышке побегать. Начнешь пить, – не остановишься. У меня постепенно выработалась своя «метода»: днем поменьше есть и, особенно, пить, голова обязательно покрыта, на ногах – легкие брезентовые сапоги. Со временем дошел до меня и смысл южной сиесты: во время пекла без особой нужды не высовываться, отдыхать. Странно, но о зимних холодах у меня остались более неприятные впечатления.

Зато, когда нет одуряющей жары, как хорошо бывает в песках! Какие роскошные закаты на фоне бирюзового неба, какие огромные южные звезды! А чего стоит запах саксаульного дымка у костра! В песках пропадает ощущение, что земля – это грязь. Наоборот, прокаленный песок не пачкает, он воспринимается как стерильный. Я привязался к пескам и очень хорошо понимаю тягу местных горожан выбраться, хотя бы не надолго, в пески, особенно весной.

Панорама передвижного поселка.

Первый отпуск

В конце лета 1956 года получил я отпуск за два года на сто дней: по сорок пять дней за год плюс десять дней участником на ВДНХ. Был в Москве, Ленинграде, Сочи. Повидался с родителями на отдыхе.

Каким я был еще наивным «лопухом», говорит такое приключение. В Сочи в комнате, где я снял койку, уже жили два парня: один врач из Саратова, второй, молодой армянин, представлялся, как боксер Енгибарян. Что-то такое было на слуху, но копаться не стали. А Енгибарян был известный чемпион того времени. Через пару дней эта «знаменитость» исчезла вместе с нашими фотоаппаратами, какими-то деньгами и барахлишком, что получше.

Я расстроился, конечно, но махнул рукой, а доктор настырно осаждал милицию. Самое удивительное, что этого «чемпиона» нашли-таки аж в Ереване! Накрыли урок за картами, где он расплачивался нашими вещами. Все вернули! А он оказался непутевым сыночком какого-то профессора.

Помню, в тот раз при возвращении из Керки в Карамет-Нияз меня на «кукурузнике» знакомые летчики довели «за так»: в кармане у меня оставалась одна пятирублевая бумажка. Я долго хранил её на память. Не помогло, однако. Так и не научился я копить деньги: что нажил, то и прожил.

У колодцев без воды

В феврале 1957 года мы вышли к 250-му километру трассы, месту встречи с марыйцами. Они шли нам навстречу, в основном, с экскаваторами, поэтому все насыпи – дамбы, обвалования выполнены не были. С этой работой наш бульдозерный отряд пошел дальше в сторону Захмета.

Мы уже так удалились от Нички, где базировалась наша контора, что стало ближе возить воду и дизтопливо уже с западной окраины Южных Каракумов, от железнодорожных разъездов Уч-Аджи и Равнина. Кстати, места эти с юга примыкают к Репетекскому пустынному заполю.

Первый лагерь на марыйской стороне располагался в урочище Керк-Кую (Четыре Колодца). Воды в колодцах или не было, или было очень мало, да и та горько-соленая. Так как дорог там никаких не было, летом приходилось посылать за водой скрепер: ёмкость устанавливали прямо в ковш скрепера, – и поехали! Путь не близкий, да и двигаться при жаре можно было только по ночам. Рейс длился трое-четверо суток. Однажды этот скрепер поломался и застрял где-то в пути. Прошел срок, послали к нему на выручку, а вода в поселке тем временем кончилась. Кое-как перебились еще сутки, а воды все нет. На следующий день пришлось нам прекратить работы: «без воды и ни туды и ни сюды». Долгов своей властью отменил «сухой закон», разрешил вытащить бывшую в магазине «зачачку» праздничного шампанского. Ничего не поделаешь, хоть какое-то питьё. Только на третий день после срока притащили, наконец, драгоценную воду.

Спутник

Осенью 1957 года, когда мы забрались далеко в пески, пришла неслыханная новость: наши запустили искусственный спутник Земли! Поскольку ни транзисторов, ни тем более телевизоров еще не было, весть, очевидно, передали по радию из конторы.

И вот – спутник!

Нам, живущим в безбрежной пустыне под ничем не заслоненным небом, спутник казался совсем своим и близким. Было много вечерних разговоров, иногда совершенно фантастических. Особенно не унимался один молодой парень, недавно пришедший из армии. Имя его было Алексей, но все звали его Полесок: у него не сходила с языка такая присказка. Он был ужасно удивлен, что летает эта штука там, где совсем нет воздуха. Но главное: как же без двигателя, да еще много раз вокруг Земли? Почему не падает? Другие, хоть стеснялись спрашивать, но тоже были очень заинтересованы, внимательно прислушивались.

Пришлось рассказать все, что знал на эту тему. Получилась настоящая лекция. Никогда не забуду, как слушали меня наши мужики. И это после целого дня «пахоты» на бульдозере.

Туркмены в отряде

Оглядываясь теперь на те первые два-три года, вот над чем я задумался: почему сравнительно с последующими годами местных туркмен в нашем отряде было не так много? Думаю, на то были свои причины.

За эти годы мне досталось пройти участок от Час-Кака до Кизилча-Баба. Это – от ста до двухсот пятидесяти километров от «культурной зоны», то есть от селений и аулов, где можно было бы рассчитывать на пополнение из местных механизаторов. А из нашей глубинки хорошо, если вырвешься домой раз в месяц на пару дней. Конечно, заработки на Канале хорошие, но и в родном колхозе механизатор не последний человек.

И еще. Первое время Всесоюзная стройка говорила по-русски, самые первые специалисты были приезжими из России, Украины. И рабочие тоже. То есть, как ни дико это звучит в адрес аборигенов, для них был и языковой барьер, хотя считалось, что русским в стране владеют все.

Кроме того, «контингент» амнистированных безусловно придавал стройке свой душок бедности. Странно было бы ожидать, чтобы патриархально—целомудренная сельская туркменская молодежь не чуралась этой обстановки. Но ситуация в этом смысле явно изменилась, когда года через три вышли мы к Захмету. Здесь на «земле» и на сооружениях уже работало много местных парней. И работали отлично.

Прорабский хлеб

Знаю, что у многих понятие «прораб» ассоциируется с образом бессовестного воруги-алкоголика. Крепко приложила тут свои руки пишущая братия, всё на свете знающая. О таких строители говорят: «Сами сортира не потроили, а судят». Грубо, но справедливо.

А прораб – это производитель работ, который нарисованное на бумаге превращает в нечто осязаемое. Для этого надо немало знать и крепко потрудиться. Вот древнейшее и простейшее дело – копать землю. Дело не только в количестве. Надо, чтобы по такой «дырке» вода надежно текла на сотни и даже тысячу километров – это Каракумский Канал!

Опишу, чем занят прораб на Каракумской «земле».

Вот отряд получил новый участок, это около 10 километров. Надо ознакомиться с проектом, выудить, что есть необычного, особенного: очень глубокие выемки или, наоборот, канал в насыпи. Изыскатели прошли здесь давно, возможно, два—три года назад. Ветер, осадки, бараны, верблюды сделали своё дело: трудно найти вешки и кольшки, которыми были отмечены все пикеты, то есть каждые 100 метров, и переломы профиля. Немало побегаешь с чертежами в руках, пока всё восстановишь. В отряде 12—15 механизаторов. Надо решить ребус: каждому определить участок так, чтобы с учетом объемов и сложности работ и с учетом возможностей каждого все справились приблизительно к одному сроку.

Затем каждому показать его участок на месте и вручить попикетную выписку глубин и объемов. В ходе работ надо несколько раз подсказать отметку, а в конце месяца произвести замер под наряды.

А сколько крови пьёт сама процедура писания нарядов, будь они неладны!

Что стоит за словами «замер», «съёмка»?

Из-за резкой пересеченности местности профиль изобилует «плюсовыми» поперечниками, кроме основных попикетных. На один километр трассы нередко приходилось до сорока и более поперечников. Иногда при небольших выемках в конце месяца приходилось снимать до четырехсот поперечников. А что такое поперечник? Скажем, при средней глубине два с половиной метра длина поперечника с отвалами составляет тридцать шесть метров. При трехстах замерах это более десяти километров! На каждом – спуск пять метров и подъем тоже пять. Промеры расстояний приходится делать той же нивелировочной четырехметровой рейкой. И это за два, максимум три дня по сыпучему песку. А жару, ветер или дождь никто не отменяет на это время.

Никакие реечники не выдерживали, тем более что обычно это были женщины, жены механизаторов. Приходилось рассчитывать на собственные силы буквально: на съёмку выходили вдвоем с мастером. Это был сначала Балыш Тойлиев, а потом Курбан Байрамов: Балыш ушел-таки в бульдозеристы. Поочередно менялись ролями: сначала один до изнеможения носился с рейкой, потом он становился за инструмент «отдыхать», а рейку подхватывал напарник. Никакой трагедии в этом не видели: работа есть работа. А если добавить еще молодого азарта и духа соревнования, хотя бы с заходящим солнцем, то становилось просто весело.

На больших выемках, а были нередко гряды по шесть-восемь метров и даже до пятнадцати, мы приспособились вести съёмку сразу двумя-тремя нивелирами в два-три «этажа».

Правда, «отдыхающему» нивелировщику приходилось навсе время мотаться между инструментами. Все эти ухищрения сокращали время съёмок, но не их объем.

Обработка нивелировочных журналов выполнялась, конечно, вручную: арифмометры почему-то были не в ходу, а электронной техники еще и в помине не было. Старые геодезические «зубры» виртуозно шелкали на счетах. Приходилось измарать добрую тетрадку, чтобы подсчитать отметки, вычислить площади сечений, подсчитать объемы. Оставался пустяк:

разложить объемы по дальностям перемещения, суммировать по исполнителям и составить наряды! Уф-ф!

*Рабочий привал. У планиета Юра Шопин,
я (спиной) и Курбан (в шляпе)*

Туркменская народная мудрость гласит: «Чай не пьешь, откуда сила берешь?» Первый десант на новом участке трассы.. Я, Полесок, Алексей и Саша Романов

Сборы на съёмку... и возвращение.

Прожаришься на солнце так, что горячая вонючая вода из резинового ведра – камеры покажется сладкой!

И это три с половиной года на двухстах километрах от Карамет-Нияза до Захмета, из которых одна треть – лично мои!

Легкого прорабского хлеба не бывает!

Скажу: правильное ведение прорабского хозяйства на «земле» – труд колоссальный и мало производительный. Мы пытались на базе велосипеда соорудить геодезический самописец, но тогда у нас ничего не получилось. Думаю, однако, что идея не бесплодная, если уже не осуществлена где-то. А вообще, рационализация этого дела видится мне в повременной оплате труда механизаторов и их бригадной работе.

ККК – глобальная катастрофа?

В «свободной» постперестроечной прессе приходилось читать такое: строительство Каракумского канала – глобальное преступление Советов, ведь вся, или почти вся вода просочится в песок! И тут же рецепт: русло надо было забетонировать или пустить воду по трубам. Вывод однозначен: вредный канал следует прикрыть. Не думаю, что это плод наивной некомпетентности. За такую дезинформацию кто-то платил: делёж амударьинской воды дело политическое и дай бог, чтобы не кровавое.

Что же есть на самом деле?

Не стану говорить об очевидном: бетонировка Канала – это больше двух миллионов кубометров бетона и полмиллиарда рублей.

Но дело в том, что бетон совсем не идеальный гидроизолятор, как металл, например. И под бетонными каналами со временем образуются «линзы» из профильтровавшейся пресной воды, которые плавают на плотных соленых грунтовых водах. Вот эти-то линзы и «подпирают» поток фильтрации, интенсивность которой со временем резко сокращается. То же происходит и в земляном русле, конечно, значительно быстрее. Натурные наблюдения на песчаном русле показали, что по сравнению с моментом пуска воды через год потери уменьшились в шесть раз. Затем потери на фильтрацию стабилизируются.

Сокращению потерь на фильтрацию в большой степени способствует также заиливание русла и процесс кальмотации, когда поры в толще грунта забиваются мельчайшими глинистыми частицами, образуется своеобразный слабоводопроницаемый экран.

И еще. В условиях жаркого климата 50% потерь составляет испарение с поверхности воды. Бетон от этого не спасает, а загонять сотни кубометров воды в трубы, это уже не в разы, а на порядки дороже.

Наконец, самое главное. Невозможно «сразу» соорудить канал длиной 500, 800, 1300 километров! Работа идет очередями, в каждую из которых, кроме собственно канала, входит освоение новых земель, поселки, коммуникации и т. д. И в каждую последующую очередь входит расширение уже готового канала для увеличения пропуски воды. В земле это сделать элементарно: снял «стружку» с берега, уширил русло – обеспечил увеличение пропуски воды. И делается это десятками и сотнями экскаваторов и плавучих землесосов независимо друг от друга одновременно и непрерывно. Попутно улучшаются условия судоходства. А бетонное русло или трубу надо закончить на 100%, а потом пустить воду. Потребуется увеличить расход воды, – строй параллельно новую нитку. Многолетние замеры и исследования показали, что потери воды в Каракумском канале не превышают 35%. В российских водопроводных сетях этот показатель зачастую переваливает за 30%, в Украине—32%, В Москве—25%. В некоторых странах доходит до 40%. И это в трубах! Но ведь в канале – открытый грунт.

Очевидно, что в перспективе, когда головной водозабор перестанет увеличиваться, надо будет канал облицевать. Как уже сейчас облицовывают каналы оросительной сети.

Кстати, не мешает знать, что, если к началу 60-х годов Туркменистан производил 400 тыс. тонн хлопка, то Канал дал возможность выращивать 1300 тыс. тонн, не говоря обо всем прочем. К примеру, только на воде Канала базируется Марыйская ГРЭС, использующая местный газ. Каждая очередь Канала окупается менее чем за 3 года.

Вот так, вот чего стоит один из расхожих штампов.

Прощай «земля»!

Зимой на 1957 год нас передали Марыйскому СМУ и мы еще раз перебазировались уже в район Захмета. Здесь распрощался я с Сашей Долговым. Начальником отряда стал Бойко, возрастом много старше нас.

Три с половиной года проработал я в песках на «земле», то есть на земляных работах. Какому-нибудь непосвященному снобу может это показаться каторгой. Чушь! Трудно физически? Да. Но я был молодой и здоровый и считаю, что получил закалку на всю жизнь. Неинтересно? Категорически не согласен! Каждый новый участок преподносил новые проблемы, надеюсь, это понятно из рассказанного. Но, главное, конечно, люди, огромное количество самых разных людей. На такую школу жизни грех жаловаться.

Но я мечтал работать на строительстве сложного гидротехнического сооружения. На мои просьбы всегда находилась отговорка, всегда были неотложные дела. Наконец, после очередного захода на начальство, в марте 1958 года мне вручили приказ о переводе на строительство гидроузла номер 4. Отходная совпала с 8 Марта, прощаться было грустно, добрых пожеланий было много.

Гидроузел №4 (1 очередь ККК)

Сброс в песках

На трассе Каракумского канала предусмотрено строительство гидроузлов различного назначения: головной водозабор, мосты на пересечениях с железной дорогой и шоссе, аварийные сбросы. Вот такой сброс, совмещенный с перегораживающим сооружением, и представлял собой Четвертый гидроузел. (К2).

К тому времени, когда я попал сюда, был только разработан котлован, установлен шпунт на сбросе и собран бетонный узел. Сооружение находилось в зоне крупных барханов и из-за огромных отвалов песчаного грунта вблизи стройплощадки вообще не было видно ни единого кустика или травинки, кругом голый песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.